

Виктор с усмешечкой смотрел на солдатика – на это недоразумение, стоящее перед ним. Тот был ниже среднего роста, щуплый, форма, явно не по размеру, сидела на нём неловко, наперекосяк, ремень был не подтянут. Сапоги доходили парню почти до колен, а пилотка была глубоко натянута на голову, отчего большие уши казались ещё больше. И большие же, чуть испуганные карие глаза украшали это детское лицо с пухлыми по-девичьи губами и ямочками на улыбчивых щеках.

– Представьтесь, рядовой. – Виктор ловко кинул руку к виску.

– Костик, – смущённо отреагировал солдатик и покраснел.

– А если по уставу?! – сдвинул брови к переносице Виктор. – Как положено!

Солдатик на удивление бойко щёлкнул каблуками, подтянулся, взял под козырёк и звонким голосом отрапортовал:

– Рядовой Рудин! Прибыл из учебной части в дивизион для прохождения дальнейшей службы, в ваше первое отделение.

На этом его запал, по всей видимости, закончился, и он снова смущённо отвёл взгляд.

Их разговор проходил в длинном узком коридоре одноэтажной деревянной дивизионной казармы, со стороны больше похожей на барак, недалеко от «тумбочки», возле которой в совершенно расслабленной позе стоял дневальный со штык-ножом на боку.

...Дежурный по подразделению сержант Виктор Чернов перехватил новичка с вещмешком на плечах, который бочком, скромно протиснулся с улицы, из темноты осенней ночи через входную дверь и робко остановился, осматриваясь возле входа в офицерскую комнату, жмурясь от яркого света дневных ламп.

Из офицерской выглянул дежурный офицер – лейтенант Литвинец:

– В чём дело, сержант?

– Да вот – рядовой Рудин, прибыл к нам для прохождения службы.

Лейтенант, сам, кстати, роста тоже невысокого, но – косая сажень в плечах, окинул солдата придирчивым взглядом, вздохнул:

– Что-то измельчал нынче боец... Документы покажи!

Он долго изучал документы, вчитывался в сопроводительный лист. Наконец заключил:

– Прошёл подготовку в учебной части для работы с бортовой аппаратурой ракет земля –

62

воздух. Этот боец поступит в ваше отделение контрольно-испытательной передвижной станции. Принимай пополнение кипсовиков, сержант. У тебя койка свободная есть?

– Имеется, – кивнул Виктор. – Пойдём, покажу. Только – тихо, не топать. Народ спит. А подъём, как обычно, в шесть тридцать.

Они прошли в спальное помещение казармы. Здесь царил полумрак, в четыре ряда стояли кровати. Раздавалось мерное сопение на все лады, всхлипы и тихое сонное бормотание. Кто-то резко и коротко всхрапывал. Воздух ночной казармы трудно с чем-нибудь перепутать – давно устоявшийся дух сапожной ваксы вперемешку с запахами нескольких десятков мужских тел, потевших в течение очередного прошедшего длинного дня солдатской службы.

Виктор осторожно провёл новичка к свободной кровати – она была самой ближней ко входу в спальное помещение.

– Вот твой стул, тумбочка. Форму сложи аккуратно. Надеюсь, вас в учебке этому обучили. Постель разбирай и ложись, – громким шёпотом распорядился он. – Ты, кстати, как до дивизиона добрался? Не мог до утра в городе, в полку переночевать?

– На попутке я, – в унисон ему шёпотом ответил солдат. – Очень хотелось побыстрее добраться до места.

– Ладно, ложись, Костик, утром расскажешь.

Солдатик на удивление быстро разделся, сложил брюки, гимнастёрку свернул воротничком наружу. Подравнял сапоги по линейке с остальными соседними, стоящими в ряд. Расстелил постель – внизу простыня, сверху немудрёное солдатское одеяло. Подоткнул его в ногах, чуть взбил выдавшую виды подушку, нырнул под одеяло, свернулся калачиком и моментально заснул.

Виктор покачал головой, взирая на нового подчинённого и вышел в казарменный коридор, осторожно прикрыв за собой дверь. Его дежурству было ещё далеко до окончания...

2

Технический дивизион зенитно-ракетного полка противовоздушной обороны, снабжённый средневысотными ракетными комплексами С-75, располагался в бесконечной, ровной, как стол, Барабинской степи, километрах в пяти от оживлённой автострады, проходящей из европейской части страны по территории необъят-

ной Западной Сибири на Дальний Восток. Впрочем, шоссе было оживлённым настолько, насколько оживлённым был поток автомобилей – с запада на восток страны и обратно – в те завершающие свой неспешный ход семидесятые годы прошлого столетия. Когда казалось, что вся наша жизнь текла спокойно и размеренно.

А большой, почти миллионный сибирский город, который и охранялся полком ПВО, вообще отстоял от дивизиона километров на тридцать. Там, в городе, находился штаб полка, а от него тянулись незримые нити боевого управления десятком огневых дивизионов, в каждом из которых на боевом дежурстве застыли на пусковых установках ракеты, готовые по первому сигналу рвануть в небо и разорвать на куски любую воздушную цель, посягающую на мирную жизнь. Город жил жизнью своего многочисленного населения, которое даже и не подозревало о той задаче, что стояла перед командованием и личным составом полка на случай «империалистической опасности».

Технический дивизион со стороны напоминал небольшой посёлок. Кроме казармы, здесь были расположены склады с полковым запасом ракет, уложенных в стеллажи, и запасными частями к ним, гаражные боксы с рядами тягачей на базе внушительных грузовиков «ЗИЛ-131» и прицепами для перевозки снаряжённых ракет в боевые дивизионы, площадки для сборки, снаряжения и приведения изделий в боевую готовность, соединённые между собой асфальтовыми проездами, комплекс заправщиков ракет, котельная, которая обогревала весь этот посёлок.

Кроме того, дивизион вмещал в себя примерно полсотни военнослужащих, причём половину из них составляли офицеры, жившие с семьями в городе и ежедневно рано утром приезжавшие сюда на службу. У офицеров бывали и выходные, когда они отдыхали от дивизионной жизни. Иное дело – солдаты: тем от дивизионного существования никуда было не деться ни в будни, ни в праздники.

Все три дивизионных отделения – кипсовики, заправщики ракет и отделение водителей грузовых тягачей для подвоза ракет, а вернее – дивизионные солдаты, ефрейторы и сержанты – проводили на территории дивизиона всё время срочной службы почти безвылазно: два года дней и ночей, полагавшихся в те годы по закону о воинской службе.

63

Правда, таким, как Виктор Чернов, призванным в армию после окончания вуза, срок службы сокращали до полутора лет, а в самом конце службы их ожидали двухмесячные офицерские сборы, после которых присваивалось лейтенантское звание. Но, как любил приговаривать дивизионный старшина с богатырской внешностью и былинным именем Василий Кожемяка: «Хрен редьки не слаще».

Обнесённый по периметру забором из колючей проволоки и «увенчанный» в одном их дальних углов вышкой с часовым, дивизион в иные минуты напоминал совершенно другое учреждение. Но далеко не всегда: жизнь и военная учеба здесь били ключом, порой через край. Были и свои нехитрые развлечения.

Из дивизиона в штаб полка ежедневно ездил грузовой трёхосный ЗИЛ-157, или «трумэн», как прозвали эту машину в армии, с будкой на месте кузова. За рулём бессменно сидел ефрейтор Боря Бурят – большой, толстый солдат-второгодок со щёлками-глазами на круглом, без единого волоска лице, заглянуть в которые было невозможно. Виктор всегда удивлялся, как Боря вообще что-нибудь видит. Но так виртуозно водить по городским улицам огромный грузовик, у которого при «тяжелейшем» рулевом управлении полностью отсутствовала система гидроусиления, в дивизионе не мог больше никто.

Поэтому ему и доверяли самое важное – ежедневную езду в город за продуктами, почтой и разной другой надобностью, без которой личный состав дивизиона не мог обойтись. Например, он легко мог купить чего-нибудь сладкого, если любитель этого сладкого умел хорошо попросить его об этом, присовокупив знную сумму денег, что прислали родные из дома.

Но особенно любил Боря быть письмоносом: он забирал у солдат письма родным, и не было случая, чтобы они не доходили адресатам. А больше всего он обожал привозить и вручать парням письма из дома. В этом случае разворачивалось целое представление. Тут уж без танцев или какого-нибудь необыкновенного кукареканья обходилось редко. Боря требовал от личного состава неукоснительно соблюдать эту традицию. И отвертеться от этого удавалось разве что старослужащим да командирам отделений.

...В тот день Боря привёз только одно письмо. Личный состав дивизиона как раз выходил из столовой, отобедав солдатским борщом и кашей. Было начало октября, и солдаты, одетые

в бушлаты и шапки, поёживались на пронизывающем степном ветерке и мелко морозящем косом дождичке. Все сгрудились у Бориной машины в надежде на весточку из дома.

– Одно, – объявил Боря, заглушив свой грузовик возле так называемого едового здания – столовой, объединённой с кухней, и вылез из кабины на подножку машины. Он поднял конверт высоко над головой. – Костик, Рудин, тебе – пляши!

Начавшие было расходиться разочарованные зрители, притормозили в ожидании бесплатного представления. Все уставились на Костика, подбадривая его усмешками и разными короткими репликами типа: «Давай, Костик, цыганочку с выходом!». Но Костик повёл себя неожиданно для всех. Он, как обычно, сильно покраснел, резко развернулся и пошагал в сторону казармы.

– Эй, Рудин, а ну стой! Кругом! Ко мне – шагом марш! – свирепо рявкнул Борис.

На что Костик лишь отмахнулся, не оборачиваясь и не останавливаясь.

– Рудин! Не вернёшься сейчас – после отбоя подойдёшь со своим ремнём! – угрожающе крикнул Боря.

Солдаты захохотали. А Костик замедлил шаг, потом остановился. Угроза явно подействовала – многие сослуживцы уже не раз испытали на себе реальность Бориных слов.

Костик медленно приблизился к машине:

– Давай письмо, а плясать не буду!

В ответ Борис лишь молча поднял конверт над головой.

– Не будешь отдавать – и не надо! – ошетинился внезапно Костик. – Проживу и без письма... Знаю я, от кого оно и что в нём написано. Поэтому можешь оставить его себе!..

Борины глаза-щёлки чуть-чуть расширились от удивления.

– Мне-то оно зачем – оно тебе, – озадаченно произнёс он.

И тут вмешался сержант Чернов:

– Слышь, Борис, отдай ты парню письмо. Видишь, он принципиальный, оставил нас без представления...

– Да я что... Пусть забирает, – неожиданно легко согласился Боря. И шикнул на раздавшийся шепоток. «Везёт же человеку...» – шепнул кто-то.

– Как его накажешь? Посмотри на него – в чём душа держится! Ещё зашибёшь ненароком, отвечай потом... А вы у меня плясать и кукарекать будете как миленькие! – повысил он голос, чтобы скрыть досаду.

67

Костик ловко заскочил на подножку машины, выдернул из Бориных рук конверт, не глядя сунул его за ремень и отправился в казарму, в красный уголок. Благо после обеда старшина Кожемяка разрешил получасовой перекур.

3

...Прошло уже несколько недель, как Костик впервые переступил порог казармы. К удивлению Виктора Чернова, он за это время понемногу сумел вписаться в непростую дивизионную иерархию. Стойко перетерпел шуточки и подколы первых дней. Сержант боялся, что солдатика с первых дней заклюют другие солдаты, как это уже нередко бывало с новобранцами. В дивизионе за долгие годы его существования давно сложилась своеобразная иерархия, которую в открытую дедовщиной не называли, однако это была именно она, только в чуть смягчённом дивизионными традициями виде. Особенно по вечерам. Конечно, в дневное время всем руководили командир части полковник Заикин и его заместитель майор Серёгин.

Они – эти командиры – даже близко не были похожи друг на друга: первый – высокий, нескладный, полноватый, с вечно мятым лицом и мятым же кителем, от которого исходил дух вчерашнего перегара; второй – среднего роста, сухощавый и подтянутый, в отутюженной форме. «Майор у нас боевой», – говорили про него солдаты с уважением. И правда, он практически «от звонка до звонка» прошёл вьетнамо-американскую десятилетнюю войну, завершившуюся только к середине семидесятых, где как военный специалист обучал вьетнамцев сбивать вражеские самолёты советскими ракетами, о чём иногда в часы отдыха интересно рассказывал подчинённым.

Но в одном эти командиры сходились: не терпели дедовщины и неуставных отношений, не закрывали на всё это глаза...

Однако день в дивизионе принадлежал порядку и уставу, а вечерами и ночью бывало всякое. За эти-то вечерние «развлечения» и переживал Виктор. Нет-нет да накатывало на кого-то из «старичков» – заставить «молодого» солдата почистить сапоги, подшить подворотничок, почистить бляху ремня... Правда, рукоприкладства при этом не было, обходилось психологически наездами.

...В первое же утро новой службы, через мгновение после зычной команды «Дивизион,

подъём!» Костик вскочил с постели наравне с другими. Виктор с удовлетворением про себя отметил, что он быстро, хотя и несколько суетливо, оделся в свою не по размеру форму. Одним из первых встал в заспанный строй солдат, вытянувшийся вдоль казарменного коридора. При этом Виктор указал ему место замыкающего первого отделения – в соответствии с ростом.

Солдаты с интересом и улыбками оглядывались на новичка, перебрасывались на его счёт шутивными репликами. Костик же был серьёзен и на подколы не реагировал. Старшина Кожемяка прошёлся вдоль строя вперёд-назад, остановился, заметил Виктор, напротив Костика.

– Рядовой, выйти из строя! – скомандовал своим низким рокочущим голосом старшина.

Костик шагнул вперёд, развернулся лицом к строю, хотел отдать честь, потянул было вверх правую руку, да, видимо, вспомнил, что к «пустой» голове руку не прикладывают, прижал её к бедру, опустил покрасневшее от смущения лицо.

– Что надо сказать, рядовой? – добродушно, как нашкодившего ребёнка, спросил его старшина.

– Рядовой Рудин по вашему приказанию прибыл... – тихо сказал Костик.

– Не слышу! – повысил голос Кожемяка и сжал свои огромные кулаки, напоминающие по размеру пивные кружки.

Костик, почувствовав угрозу, неожиданно звонко выкрикнул:

– Рядовой Рудин прибыл по вашему приказанию!

Казарма прыснула смехом.

– Разговоры!.. – пресёк веселье старшина. – Доложи, откуда и зачем прибыл?

– Разрешите! – шагнул вперёд Чернов и, не дожидаясь разрешения, доложил: – Рудин прибыл вчера после отбоя, направлен к нам после учебной части, по специальности – кипсовик. Поэтому служить будет в первом отделении. Прошу, товарищ старшина, помогите подобрать форму по размеру...

– Ладно, Чернов, принимай пополнение. На довольствие мы его зачислим. А вот таких малых размеров у меня нет. Пусть сам – ручками – подгонит одежду по фигуре. И чем скорее, тем лучше! – последнее прозвучало уже как приказ.

...После утренних процедур – перед выходом на завтрак – Чернов накоротке собрал своё первое отделение. Оно, хоть и маленькое, было интернациональным: на вид тугодумый украинец Семён Предыбайло – дивизионный фельдшер,

узкобёдрый узбек Тимур Кирбобо, бурят Бимба Чимитов с фигурой тяжелоатлета, русский Олег Павлюков, спокойный и всё понимающий. Они с интересом оглядывали Костика со всех сторон.

– Чем тебя кормили? – спросил наконец Чимитов, круглое, широкое лицо которого никогда не покидала хитрая улыбка.

– Сейчас не об этом, – отмахнулся от него сержант. – Мужики, – чуть торжественно обратился он к ним. – Костик поступил в наше отделение. Мы берём над ним шефство и защиту. Считаю его «сыном» нашего отделения. Если мы этого не сделаем, заклюют парня. Нам это надо?!

Они молчали, видно, переваривая необычную просьбу. Первым нарушил молчание сам «именинник»:

– Чего меня защищать?! – насупился он. – Что я маленький, что ли? В учебке не пропал и здесь не пропаду! – запальчивой скороговоркой выпалил он, вызвав всеобщее веселье.

– Ну ты – богатырь... – начал было Чимитов.

– Хватит, – вновь оборвал всех Чернов. – Просьбу, думаю, все поняли... А тебе, Бимба, особое задание: ты лучше всех умеешь форму подгонять. Прошу, сделай Костику как надо.

Бимба зарделся от похвалы, похлопал Костика по плечу:

– Подходи во время свободного часа, начнём. За пару дней управимся...

4

Костик призывался в армию из Новосибирска. Виктор узнал это из письма, которое ему показал майор Серёгин. Письмо было написано на имя командира дивизиона. Так и стояло на конверте – в строчке «Кому» аккуратным ровным почерком было написано: «Командиру технического дивизиона». А в том месте, где было указано «От кого», значилось: «Участница Великой Отечественной войны Клавдия Ивановна Рудина».

Это была его бабушка. Она коротко излагала биографию Костика. Живёт с бабушкой, родителей нет, погибли в автоаварии, когда ребёнку не было и трёх. «Мальчик он хороший, честный, упрямый только, – писала она. – Школу закончил с золотой медалью... Учился в политехническом, но ушёл с третьего курса – из-за девочки... В армию его брать не хотели по причине малого веса и роста, но он сам настоял...» Клавдия Ивановна просила командира не жалеть Костика, но, по

возможности, не посылать в самые трудные места. Хотя он ни от каких трудностей не откажется ни за что на свете, была уверена бабушка. И ещё она просила Костику про это письмо не говорить, а то он обидится на неё на всю жизнь.

– Понял? – спросил Чернова майор. – Береги сироту, если сможешь, конечно...

Он покачал головой и скрылся за дверью офицерской комнаты.

Чернов вечером того же дня подошёл к Костику.

– Рудин, ты из Новосибирска призывался? – спросил его как бы между прочим.

– Из Новосибирска, а что? Какое это имеет значение? – Костик с улыбкой доверчиво смотрел на сержанта.

– Да нет, ничего. А откосить от армии не пытался? – Виктор отводил взгляд от наивных карих глаз подчинённого.

Тот нахмурился, будто почувствовал что-то.

– А зачем? Каждый мужчина должен послужить Родине... Разве не так?

– Так! – отрезал Виктор и отошёл по своим делам.

...Костик служил в дивизионе уже несколько недель. Форма теперь хорошо сидела на нём, подчёркивая стройную маленькую фигуру. Чимитов постарался на совесть. Остальные бойцы давно привыкли к Костику, он стал в дивизионе своим. Поначалу кое-кто пытался над ним подшучивать, отдавая несуразные команды или подкладывая в постель какую-нибудь живность. Но Костик стоически переносил эти шутки, не обижался, подкупая шутников то своей наивной, почти детской улыбкой, то неожиданной твёрдостью отпора. А личный состав первого отделения, да и сам сержант Чернов, бдительно следили, чтобы по отношению к Костику солдаты других отделений не распускали руки, особенно по вечерам.

Костик посвежел на вид, явно прибавил в весе, благо кормили в дивизионе хорошо, не то что в учебке. В дивизионе военнослужащим полагался доппаёк, который делился поровну, по-братски, и съедался безо всяких условий.

5

Осень плавно переходила в студёную зиму, которая обещала быть по-сибирски снежной и морозной. Отделения дивизиона тянули каждый свою солдатскую ляжку. Водители возились с матчастью, заправщики проводили бесконечные

тренировки, обучаясь за считанные секунды наполнять баки второй ступени ракет горючим и ядовитейшим окислителем – азотной кислотой.

Их тренировки походили на тренировки существ из внеземной цивилизации: одетые с ног до головы в прорезиненные специальные костюмы, со специальными противогазами на лицах, они напоминали космонавтов дальних странствий. Но вряд ли им кто завидовал, когда они в белых от солёного пота гимнастёрках, все как один, сидели в красном уголке и строчили письма домой.

И только кипсовики считались в дивизионе белой костью, этакой солдатской интеллигенцией. Главной боевой задачей отделения контрольно-испытательной передвижной станции, или коротко – КИПС, была проверка работы бортовой аппаратуры ракет.

Это происходило во время командировок, когда расчёт КИПС выезжал в огневые дивизионы. Кипсовики выводили ракеты – по одной – из боевой готовности, снимали их с пусковых установок, проверяли работу начинки, что называется, по полной. Потом снова устанавливали на пусковую. Затем шла проверка запасных ракет, хранящихся в огневых дивизионах. При необходимости заменяли вышедшие из строя детали на запчасти. И переезжали на следующую точку.

Их работа в одном огневом дивизионе занимала дней четыре-пять. На весь цикл проверок уходил месяц. И Виктор, и его подчинённые любили эти поездки, когда в конце рабочего дня офицеры уезжали до утра в город на свои постоянные квартиры, а прикомандированный к проверяемому дивизиону рядовой состав расчёта КИПС был на весь вечер предоставлен сам себе. Хотя огневые дивизионы жили по жёсткому распорядку дня, все действия военнослужащих были распланы даже не по часам – по минутам, этот распорядок командированных не касался. Хозяевам было не до приезжих. В такие вечерние часы сержант Чернов позволял своим расслабиться, даже при случае совершить вылазку в ближайший сельский населённый пункт. «Только не баловать там и вернуться к отбою», – напоминал он подчинённым. И, надо сказать, они его не подводили.

Но эти командировки происходили не чаще, чем раз в квартал. А в остальное время старшина Кожемяка предпринимал все усилия, чтобы кипсовики не скучали без работы.

Зимой они вели непрерывную борьбу со снегом, расчищая дорожки, небольшой плац, пло-

щадки для сборки и обслуживания ракет. Летом вели бесконечный ремонт дивизионных зданий: крыш, фундаментов, котельной. Были ещё весна и осень, на которые тоже распространялась фантазия старшины.

Впрочем, Виктор его не осуждал. Он понимал и давал понять своим солдатам, что никто посторонний сюда не придёт, чтобы поддерживать дивизион в постоянной готовности и живучести. Поэтому наряды на работы первое отделение выслушивало на ежедневном утреннем разводе молча и стоически приступало к их выполнению. Особого рвения, конечно, не проявляли, но делали всё с нормальным качеством, переделывать за ними не приходилось.

Виктор заметил, что Костик первым принимался за выполнение очередного наряда. «Ты – как Ленин на субботнике, – с усмешкой говорил он Костику в таких случаях, – всегда берёшься за толстый конец бревна». Но солдатик только улыбался в ответ да пуще поднатуживался. «Смотри не надорвись», – по-отечески напутствовал его Чернов.

Его отношение к Костику больше напоминало отношение к младшему брату. И не последнюю роль в этом сыграло бабушкино письмо. Хотя разница в их возрасте была всего-то лишь в два года: Чернов попал на срочную службу сразу после окончания университета, тоже первые полгода прослужил в учебной части, пока не распределили сюда – «на точку». В общей сложности ему предстояло «отдавать долг Родине» в течение восемнадцати месяцев. А это значило, что впереди ещё были армейская зима, весна, лето и часть осени...

6

Начальником первого отделения был капитан Чукарин, у которого имелись два заместителя – старшие лейтенанты, оба молодые, недавние выпускники военного училища, они были даже похожи друг на друга. Состоял в расчёте КИПС ещё и прапорщик Самойленко.

Сама станция представляла из себя кузов-фургон, или по-военному – КУНГ, смонтированный на базе автомобиля «ЗИЛ-157». Внутри фургон был доверху набит аппаратурой: стойками с приборами – осциллографами, вольтметрами, амперметрами и пятью прикрученными в определённых местах к полу металлическими круглыми стульчиками. Четыре из них предназначались капитану, двум его замам и старшине. Пятый зани-

мал Чернов, в обязанности которого входила проверка работы радиовзрывателя ракеты. Старшие же проверяли – каждый свой узел этого сложного оружия: систему наведения с приёмо-передающими антеннами, гироскопы, рулевую часть, батарею питания, блок автопилота...

Рядовые расчёта КИПС в ходе проверок ракет работали на улице: в их обязанности входило приготовить станцию к действию, для чего – достать и развернуть спрятанные до поры в специальных отсеках под фургоном кабели, соединённые с аппаратурой станции, подкатить на специальной тележке к станции ракету, подключить по команде капитана кабели к скрытым в корпусе ракеты разъёмам, предварительно протерев эти разъёмы чистой ветошью, смоченной техническим спиртом для лучшего контакта.

При этом все члены команды были снабжены переговорными устройствами – наушниками с ларингофонами, через которые отдавались команды, шли доклады об их выполнении. Иногда в эфире подчиненные капитана Чукарина перешёптывались о чём-нибудь своём, но капитан резко обрывал эти разговоры, требуя тишины и сосредоточенности в работе.

Виктору Чернову эти тренировки были не в тягость. В нормативы проверки изделия кипсовики укладывались. До автоматизма было отработано каждое действие, в памяти у проверяющих надёжно хранились необходимые показания, которые должны были дать приборы при полной исправности летающего оружия. И каждый знал, что надо делать в случае, если показания разойдутся с теми цифрами, которые нужны – неисправный узел подлежал замене и отправке на завод-изготовитель.

Ответственность на кипсовиках лежала большая. От них зависело, взлетит ли в нужное время ракета с пусковой установки, уничтожит ли противника в воздухе. Поэтому за качество своих проверок они отвечали, что называется, головой, расписываясь в специальном журнале. Как любил шутить прапорщик Самойленко: «Если что, нас достанут и посадят».

На последние тренировки сержант уговорил Чукарина привлекать, наряду с рядовыми Павлюковым и Чимитовым, и Костика – вместо «сына солнечного Узбекистана» Тимура. Кирбобо был уж больно нерасторопен, необходимый приказ ему приходилось повторять по несколько раз.

А Костик втянулся в работу быстро, хорошо усвоил своё место и свои действия в расчёте.

Правда, был при этом несколько суетлив, не с первого раза попадал кабелем в разъём. Но это, по мнению Виктора, было делом наживным. Вот съездит один раз в командировку в огневой дивизион, примет участие в настоящей проверке, и вся суетливость пройдёт...

7

Капитан Чукарин появлялся в дивизионе не каждый день. Работал в полку, как он объяснял Виктору. Однако, когда в начале рабочего дня вдруг появлялся на территории дивизиона, требовал от сержанта построения личного состава первого отделения на плацу и доклада по всей форме. Виктор командовал: «Становись! Равняйся! Смирно! Равнение на середину!» Чеканя шаг, подходил к Чукарину и, приложив правую ладонь к пилотке, громко докладывал: «Товарищ капитан, за время вашего отсутствия в первом отделении никаких происшествий не произошло!»

Чукарин, довольный соблюдением традиции, расплывался в широкой улыбке, отвечал:

– Вольно! Разойдись! – И протягивал Виктору руку.

Потом они ещё немного обсуждали дела и проблемы, если таковые имелись в отделении. Но, сказать честно, решать проблемы капитан не любил. Поэтому Виктор по большей части занимался ими сам.

Заместители Чукарина – старшие лейтенанты держались особняком. В дела отделения не вникали, на солдат вообще внимания не обращали, вели между собой бесконечные малопонятные окружающим разговоры на технические темы.

Они придерживались здорового образа жизни, поэтому не разделяли любви капитана к техническому спирту, который для нужд кипсовиков у старшины Кожемяки раз в месяц получал прапорщик Самойленко.

Немолодой, обременённый большой семьёй, он жил в городе, в частном доме. И спирт, предназначенный для протирки разъёмов бортовой аппаратуры ракет, нередко выручал его как «жидкая валюта» при решении разных бытовых, семейных проблем.

После окончания рабочего дня перед возвращением в город капитан и прапорщик любили принять по соточке спирта на нос. Приглашали поучаствовать в этом священнодействии и старлеев, но те всегда отказывались.

И Виктор поначалу удивлялся, как можно принимать внутрь эту зелёную, вонючую, крепчай-

шую жидкость без ущерба для организма? Удивлялся до тех пор, пока однажды сам не попробовал с сержантами других отделений – на дне рождения одного из них, устроенном в углу спального помещения казармы после отбоя. Зажав нос и задержав дыхание, Виктор впервые с отвращением выпил эту жидкость. Но через некоторое время ему стало так тепло и хорошо, а отношение к надоевшему окружающему быту наполнилось таким абсолютным пофигизмом, что он уже никогда при случае не отказывался от этого удовольствия. Впрочем, спирта хватало и на протирку разъемов: так много доставать его для нужд дивизиона умудрялся старшина Кожемяка.

И вот эту традицию едва не разрушил Костик. Откуда-то он узнал, что предназначенный для дела спирт используется как веселящий и улучшающий настроение личного состава напиток. Он пришёл однажды вечером к сержанту Чернову в красный уголок и с серьёзным видом сообщил, что собирается написать докладную об этом безобразии на имя командира полка.

– погоди, – остудил его порыв Виктор. – Ты сам-то не пробовал, что ли, этот священный напиток?

– Я не пью! – гордо вскинув подбородок, заявил Костик.

– Ну и дурак, Рудин, – беззлобноотреагировал Чернов. – Чимитов, Бимба! – позвал он. И когда тот заглянул в красный уголок, поманил его пальцем: – У тебя во фляжке имеется?

Круглое лицо Бимбы растянулось в довольной улыбке – раскосых глаз не видно:

– Сейчас сделаем, сержант...

– И закусить чего-нибудь сообрази, и проследи, чтобы сюда никто не совался.

Чимитов забаррикадировал дверь ножкой стула.

А Виктор повернулся к Костику:

– Сейчас будем исправлять ошибки молодости...

Тот испуганно смотрел на командира, молча сидел за столом, заваленном подшивками газет «Правда» и «Красная звезда». Минут через пять явился Чимитов, вынул из-под полы алюминиевую фляжку, из карманов – свёрток с порезанным салом, хлеб, разложил всё это на столе.

– Сначала – сам, – приказал ему Виктор.

Бимба хмыкнул, взял фляжку, отвинтил крышку, взболтнул напиток, задержал дыхание и, запрокинув голову, сделал большой глоток. Задышал часто и принялся закусывать хлебом с салом.

Виктор принял у него ёмкость, пристально посмотрел на горлышко, сделал хороший глоток, задержал дыхание и занюхал рукавом гимнастёрки. Отломил кусок хлеба, начал жевать.

– Убойная, – сказал он и взглянул на Костика.

Тот испуганно смотрел на сослуживцев во все глаза.

– Не, я не буду, – торопливо сообщил он сержанту.

– Ответ неверный, – покачал головой Чернов. – Если кто в компании не пьёт, тот стукач...

– Я не стукач! Но пить не буду! – упрямо заявил солдат.

– А не будешь, я бабушке всё расскажу, – ехидно ляпнул Виктор. И тут же пожалел о сказанном.

– Какой бабушке? – подозрительно спросил Костик. – Какой бабушке? Откуда ты знаешь про бабушку? – Он насупился, отвернулся в угол.

– Да я просто так ляпнул. Действительно, при чём здесь бабушка?! Ты бабушку знаешь? – повернулся Виктор к Чимитову.

– Свою – знаю, других – нет, – ответил Чимитов, с видом удовольствия поглаживая себя по довольно-таки заметному животу.

– Вот видишь, не знаем мы никакую бабушку, – примирительно сказал сержант. – А попробовать напиток надо. Расслабись. Сам же потом спасибо скажешь. Нет в этом ничего плохого, все так делают...

Костик ещё немного подумал, даже по затылку было видно, как в его голове идёт мыслительный процесс.

– Ладно, – повернулся он, – давай посуду! – Он буквально выхватил булькнувшую фляжку из рук Виктора, понюхал горлышко, смешно подетски сморщился...

– Ты дыхание удержи, потом глотни, сколько можешь, и опять – не дыши. Потом занюхай хлебом и сразу закусывай, – наставлял его опытный Чимитов.

Костик всё сделал по «инструкции». И на удивление легко справился с заданием, принялся уплетать белый хлеб с кусочком сала.

– Ну что – репетэ? Повторим то есть? – Чимитов развел руками. – По одной – ни то ни сё.

– Ты – как? – Виктор хлопнул жующего Костика по узкому плечу. – Зажгло?

Тот торопливо закивал, на его улыбчивых щеках раскраснелись ямочки.

Они глотнули ещё по разу. Закусили. Глаза у всех блестели, у Костика – блестели как-то

по-новому. Видно было, что его так и распирает сказать что-то. Виктор молчал, выдерживал паузу и Чимитову незаметно показал кулак: молчи!

Наконец Костик заговорил:

– Я ведь и вправду первый раз в жизни выпил. До этого – никогда! Мне ведь бабушка запретила... Ты когда про бабушку сказал, я подумал, что... – он на мгновение осёкся и так внимательно посмотрел Виктору в глаза, что тот отвёл взгляд от этих, вдруг ставших цепкими, глаз подчинённого.

И тут Костика как прорвало: он начал говорить без остановки. Рассказывал о своём житье-бытье на гражданке, о том, что жил вместе с бабушкой, которая заменила ему родителей, о том, как она его любит и готова выполнить любой его каприз. Вот он и сбежал от неё в армию, хотя можно было и не служить по причине слабого здоровья. Но он упёрся, и врачи не возражали... Костик возбуждённо выкладывал всё это безо всякого стеснения, говорил торопливо, будто боялся, что остановят.

– А давайте по третьей! – вдруг предложил он, улыбаясь своей обезоруживающей улыбкой.

Парни не возражали. Только сержант спросил на всякий случай:

– А тебе не будет много?

– Нет-нет, – тряхнул головой Костик.

Он первым взял фляжку, сделал добрый глоток и... поперхнулся, закашлялся. Виктор с Чимитовым принялись легонько хлопать ладонями по его худой спине. Кашлял солдат громко, отчаянно, со всхлипом, из глаз градом катились слёзы. Кашлял долго и надрывно, потом кашель сменился иканием. В коридоре подали команду «Отбой!».

– Д-дайте водички! – заикаясь, взмолился Костик.

– Принеси, – сказал Чимитову Виктор.

Тот вскоре вернулся с кружкой воды. Прежде чем дать её Костик, напомнил сержанту:

– Не надо бы воды-то, ведь это же спирт!

– Пусть попьёт и спать укладывается, – махнул рукой Чернов.

Но всё оказалось не так просто. Костик, захлёбываясь и стуча зубами о металлические края кружки, махом осушил её, отдышался и тихонько захихикал. Чернов смотрел на него во все глаза. А тот раскраснелся до малинового цвета и принялся хохотать чуть ли не во всё горло.

– Прекрати! – одёрнул его Виктор, однако Костик не мог остановиться.

Было видно, что смех и ему самому не доставляет удовольствия, а ничего не мог с собой поделаться. «Ха-ха-ха!» – корчился он от смеха. Чем бы это кончилось – неизвестно. Веселье прервал Чимитов – он с маху ткнул Костика в бок кулаком. Тот задохнулся от недостатка воздуха в лёгких, только беззвучно открывал рот. Наконец отдышался и с обидой заскулил заплетающимся языком: «Зачем так? За что?!» Было видно, что Костик пьян.

– Надо его уложить, и – без приключений! – приказал Чернов. Они подхватили Костика под руки, тот как-то сразу увял, обвис в сильных руках. Парни довели его по кровати, раздели и уложили.

Казарма уже практически спала. Чернов и Чимитов разошлись по своим кроватям, разделись, только лечь не успели, потому что Костик громко заикался, и его вырвало прямо на пол – он успел свесить с кровати голову.

– Твою же мать... – выругался Чернов. – Будем тихо убирать...

Чимитов принес из каптёрки ведро с тряпкой, налил воды, принялся за уборку. Щурясь и отводя в сторону свой широкий нос, он вытер всё до блеска. Но не успел вынести ведро, как всё повторилось вновь.

Проснулся Олег Павлюков:

– Что тут у вас? – спросил, зевая.

– Не мельтеши, помоги лучше Чимитову, – сказал Виктор.

Павлюков тоже подключился к делу...

Тут в спальню заглянул и дежурный офицер, сразу сообразил, что к чему:

– То-то я думаю, чем это так пахнет?! Теперь вижу, – удовлетворённо заключил он. – Чернов, всё уберёте. А утром жду докладную на имя командира дивизиона.

8

Утро для Костика было тяжёлым. После подъёма он последним приплёлся в строй, выглядел помятым и бледным.

Всепонимающий старшина Кожемяка выставил его перед строем и начал воспитывать:

– Рядовой Рудин, ты разве не знаешь, что пить вредно? А уж если невмоготу, прими в меру...

Костик стоял перед заспанными солдатами, низко опустив голову, морщась и обречённо вздыхая.

– Ну, скажи нам что-нибудь! – не унимался Кожемяка.

Костик глубоко вздохнул и тихо произнёс:

– Я больше не буду...

– Не слышим! – рявкнул старшина.

– Я больше не буду! – громко заявил Костик. – Первый раз в жизни пил, гадость это, плохо это! Больше никогда не буду! – повторил он увереннее и подняв голову, обвёл взглядом строй. А солдаты понимающе улыбались «залетевшему» сослуживцу.

– Отставить улыбки! – грозно приказал старшина. – Рядовой Рудин, за допущенное нарушение – два наряда вне очереди! Сержант Чернов, за нарушение, допущенное в отделении, – два наряда вне очереди!

– Есть два наряда вне очереди! – в один голос ответили Чернов и Рудин.

И Виктор внутренне удивился этой неожиданной синхронности. «Окончательно спелся с подчинёнными, – подумал он, – невоенный человек, таким, однако, и помру...»

На этом «разбор полётов» был завершён. Чернов ожидал вызова «на ковёр» к командиру дивизиона, но этого не последовало.

Капитан Чукарин по прибытии в дивизион отвёл Виктора в сторону от стоявшего по стойке смирно первого отделения и сделал короткое внушение:

– Ты, сержант, эти пьянки с подчинёнными заканчивай! Мне некогда тут с вами разбираться! Здесь армия, а не детский сад. Вот это всем объясни, в том числе Рудину. И вообще, не умеет пить – нечего этим заниматься. А если вам по вечерам заняться нечем, проводи политинформацию. Словом, чтобы я о нарушениях больше не слышал. Понял?

– Так точно! – облегчённо отчеканил Виктор. – Разрешите идти? У нас наряд на уборку снега.

– Шагай, – разрешил капитан. – Эту неделю занимайтесь снегом, а на следующей – едем в командировку: на регламентные работы. – Он растопырил пальцы левой руки и начал загибать их по одному: – Станцию подготовьте, допаяк получите. Павлюков пусть двигатель у машины проверит, чтобы не как в прошлый раз – не глохла по дороге. Скаты посмотрите, в КУНГе наведите порядок. Развели там матрасы, подушки – как в общежитии... Обогреватели в КУНГе должны работать исправно – зима на дворе. Рудин тоже пусть собирается – будем отучать солдата от алкоголизма...

– Да он впервые... – начал было Виктор.

– Знаю, – оборвал его начальник. – Даже знаю, чья это идея. Тебе два наряда вкатили – мало, я бы все пять дал, да что толку, если вы через день в очередные наряды ходите. Ладно, иди...

В отношении нарядов вне очереди Чукарин был прав: в дивизионе было всего три отделения, а текущих нарядов было «больше, чем людей», как любил приговаривать старшина. Каждый день одно из отделений по графику заступало на сутки в караул по охране территории дивизиона, а несколько солдат других отделений получали текущие наряды – на кухню: чистку картошки, мытьё посуды и уборку столовой после приёма солдатами пищи; на дежурство по казарме. Так что, как шутили солдаты, «у нас через день – на ремень». Текущие наряды шли через день. Поэтому отработать «наряды вне очереди» не было почти никакой возможности.

...Отделение сегодня расчищало заснеженный плац с особым усердием. Дополнительные силы придало сообщение о скорой командировке. Особенно усердствовал Костик. Он махал лопатой почти безостановочно. Там, где Чимитов взмахивал один раз, Костик делал по три взмаха, при этом мурлыкал что-то радостное себе под нос, смахивая со лба пот.

9

Они выехали в огневой дивизион в среду, после обеда. «Среда – хороший день», – сказал Чукарин. Задача на первый день была поставлена конкретная: прибыть на место без приключений, разместить станцию на ночёвку, разместиться самим. На утро следующего дня – устанавить станцию рядом с огневой позицией, развернуть кабели, прогреть оборудование и ждать прибытия офицерского состава команды кипсовиков.

На проверку одного огневого дивизиона уходило три-четыре дня, после чего – на выходные – надлежало просто жить в чужом дивизионе, драить КИПС или писать письма домой. А со следующего понедельника – снова переезд в следующее огневое подразделение. И так – по графику – до конца регламентных проверок всех изделий полка, несущих боевое дежурство.

...За старшего в команде сегодня был прапорщик Самойленко. Они с Виктором ехали в кабине рядом с водителем, его роль виртуозно исполнял Олег Павлюков. Видно было, что он соскучился по баранке, которую крутил, хотя и

с трудом, зато – с удовольствием. В фургоне ехали Чимитов и Костик. Виктор время от времени через переговорное устройство спрашивал, как у них дела? Отвечал неизменно Костик, бодро докладывал, что всё в порядке. «Чимитов спит, – был уверен Виктор. – Да и ладно».

Бимба Чимитов действительно спал на расстеленном посреди фургона выдавшем виды матрасе. При всём желании капитана Чукарина извлечь фургон от данного изделия сделать это было невозможно: как ещё солдату набираться сил после тяжких трудов армейской службы?

В потаённых уголках фургона у кипсовиков были припрятаны и несколько старых шинелей – для той же надобности, что и матрас. Здесь же, в самом потайном месте, хранилась и та самая заветная фляжка. Имелся на борту станции неизменный запас солёного сала, которое солдатам слали в посылках из дома родные и которое здорово выручало служивых во все времена.

И сейчас Костик лениво жевал кусочек сала с хлебом, пытаясь разглядеть в узенькое окно фургона окружающий пейзаж. Скажем прямо, обзор был минимальным. Сначала мелькали заснеженные поля с редкими берёзовыми колками, потом показались частные домики пригорода. Из труб на крышах вился ровный, прямой столбик сероватого дыма. Потом показались многоэтажки, и автомобиль стал часто тормозить на перекрёстках, стоять на светофорах. Потом снова мелькали маленькие домики, а за ними потянулись бескрайние белые зимние поля.

У Костика создалось впечатление, что одну и ту же киноплёнку прокручивают в обратном направлении. Прошло часа два, прежде чем грузовик съехал на тряскую грунтовку. Наконец машина резко затормозила и остановилась.

«Выходим», – раздался в переговорном устройстве голос Чернова. Костик наклонился над крепко спящим Чимитовым и потряс его за плечо. Тот мгновенно проснулся, протёр свои узкие глаза и вскочил на ноги.

– Приехали? – спросил он у Костика и, не дожидаясь ответа, ловко скатал-свернул матрас, заботливо спрятав его за стойками с аппаратурой. Они открыли дверь фургона и выбрались на улицу. Их ЗИЛ стоял возле опущенного шлагбаума, рядом с КПП на въезде на территорию ракетного дивизиона. Здесь им предстояло провести три дня, и, кстати, на время их регламентных работ огневой дивизион снимали с боевого дежурства. Поэтому время проверки было чётко ограничено.

Их пропустили на боевую позицию. Кипсовики уже бывали здесь и видом пусковых установок, снаряжённых серебристыми ракетами, их было не удивить. Только Костику всё было в новинку. Он насчитал шесть снаряжённых пусковых установок в специальных окопах. По тренировкам, где отрабатывались задачи, максимально приближенные к реальности, он помнил, что где-то здесь хранился ещё двойной запас готовых к действиям изделий.

Он заметил, что солдаты здесь отличались от тех, что служили в техническом дивизионе. Они почему-то были неряшливо одеты, гимнастёрки – мятые, брюки – в грязных пятнах мазута. Заросшие щетиной лица были хмурыми, не улыбкаемы. Хотя некоторые старые знакомые подходили, здоровались с Черновым, Павлюковым, Чимитовым, с интересом оглядывали Костика. «Где такого малого нашли?» – пошутил один из местных, и все как по команде громко заржали.

Виктор быстро пресёк это настроение:

– Нормальный он парень, Костиком зовут. В армию не брали – сам напросился...

И смех прекратился, кто-то присвистнул, прозвучало: «Молодец, мог бы дома отсидеться!». Стали подходить, пожимать Костику руку.

72

Они разместили свой КИПС на специальной площадке, Чернов и прапорщик в присутствии остальных кипсовиков проверили готовность к завтрашнему дню. Потом Самойленко сказал: «Я откланиваюсь. Завтра не проспите, Чернов». И уехал на дивизионной попутке в город.

Короткий зимний день сменился тёмными сумерками, которые разрывали прожектора, высвечивающие куски дивизионной территории, стоящую в отдалении одноэтажную казарму. Кипсовики были возле своей машины, все, кроме Костика, перекуривали, пряча в кулаки огоньки сигарет, курить здесь было запрещено.

«Атаа!» – негромко произнёс зоркий Чимитов. И сигареты мгновенно исчезли. К ним подошёл местный дежурный и рассказал, что их зачислили на здешнее довольствие, отвели в казарме спальные места, через час их ждут на ужин в столовой.

– А что, Бимба, есть у нас что-нибудь во фляжке? – спросил Олег. – Что-то я замёрз с этими командировками. – И он начал постукивать сапогом о сапог, разогревая озябшие ноги.

– Давай, командир, в КУНГе посидим до ужина, неохота в чужую казарму идти, – предложил Павлюков.

И они забрались в фургон, зажгли желтоватую лампочку внутреннего освещения. Олег Павлюков завёл двигатель, включил обогрев фургона, и в пять минут стало так тепло, что они сняли бушлаты, оставшись в гимнастёрках. Чимитов извлёк из тайничка небольшой обрезок фанеры, хлеб, сало, известную уже фляжку с техническим спиртом, гранёный стакан. Ловко на фанерке покромсал перочинным ножом сало.

– Я не буду! – заявил Костик.

– А вот это – неправильно! – наставительно произнёс Олег Павлюков. – В прошлый раз ты перепил, свою меру не зная. Теперь мы знаем: твоя мера – один глоток. И ты его употребишь, иначе не заснёшь на новом месте, по себе сужу. А ты нам завтра нужен свежий и работоспособный. Так что – будешь!

Костик хмыкнул в ответ, пожал плечами, видимо, не нашёлся, как отреагировать. И вообще после того случая он до сих пор чувствовал себя виноватым, в душе ему хотелось доказать остальным, что произошедший после первого в жизни употребления спиртного конфуз – это случайность. Что он такой же мужик, как и все, что он может...

– Держи свой глоток, – протянул ему стакан Чимитов.

Костик, недолго думая, опрокинул содержимое внутрь и занюхал рукавом, точь-в-точь как сержант. Все смотрели на него с одобрением...

После ужина, который здесь оказался не менее сытным, чем в родной столовой, они до отбоя бесцельно вместе бродили по чужой казарме, отмечая, что порядка здесь меньше, чем у них дома. Видели, как личный состав «чистит пёрышки» – бреется, стрижётся, стирает форму. «Хорошо, что вы приехали, а то мы тут совсем заросли...» – сказал Виктору знакомый сержант.

– Как это? – переспросил у Чернова Костик.

И тот начал объяснять тонкости жизни огневого ракетного дивизиона, который находится на боевом дежурстве.

– Знаешь такой остров Гуам в западной части Тихого океана?

Костик неопределённо пожал плечами.

– Там американская база межконтинентальных ракет. Наши генералы как-то разузнали, что они нацелены на наш город. Если Штаты их запустят, они долетят сюда за двадцать минут, сечёшь?

Солдат внимал каждому слову своего командира.

– За это время наши парни должны успеть выпустить по ним все ракеты с пусковых, постараться перезарядиться снова и дать ещё один залп...

– А что потом? – нервно спросил Костик.

– Потом может уже ничего и никого не быть, ядерная война – дело быстрое. Поэтому парням не то что побриться, на горшок бывает некогда лишний раз сходить. Спят одетые. Раза по три за ночь им боевую тревогу объявляют. А это – вскакивай, беги на позицию, имитируй ракетный залп. И чего ты в огневой дивизион не попросился? Сейчас была бы тебе полная романтика!

– Да уж... – растерянно почесал затылок Костик. – У нас прямо рай по сравнению с ними.

...Утром, когда капитан Чукарин с офицерами прибыл на место, КИПС был уже в полной готовности. КУНГ прогрет, кабели развёрнуты, одну из ракет автокраном сняли с пусковой и на специальной тележке подкатили к станции. Солдаты приготовили спирт и ветошь для протирки разъёмов.

Офицеры, прапорщик Самойленко и сержант Чернов внутри фургона заняли каждый своё место у стойки с оборудованием, защёлкали тумблеры, загудела, включаясь, аппаратура станции, засветились, перемигиваясь, лампочки и приборы. Весь расчёт надел наушники и ларингофоны. «Тишина в эфире, – подал голос Чукарин. – Слушать меня!»

Он деловито отдавал команды подчинённым, удовлетворённо выслушивал их рапорты: «Первый номер – готов...» «Второй – готов...»

Проверка ракеты шла своим чередом, точно, по нужным параметрам проходили сигналы, подаваемые со станции на её бортовую начинку. Изделие прошло ревизию на отлично, о чём сделали соответствующую запись в журнале. Прошла проверку и вторая ракета...

ЧП случилось, когда к КИПСу подключали изделие номер три. Костик, в обязанности которого входило подсоединение внушительных размеров кабеля к одному из бортовых разъёмов, что-то замешкался: кабель был явно тяжеловат для него. «Что вы там возитесь?!» – рыкнул из КУНГа капитан. «Чимитов, помоги Костику!» – тихо прошептал в ларингофон Чернов, этот шёпот услышал Олег Павлюков.

Сам Павлюков сделать этого не мог, так как находился по другую сторону ракеты, а Бимба с Рудиным работали рядом. Чимитов подхватил вместе с Костиком тяжёлый толстый кабель,

73

помогая ему попасть вилкой (или, как привыкли говорить солдаты, «папой») в розетку – «маму». Силы буряту было не занимать, разъёмы что-то не соединялись, и он поднажал... И тут же Костик заорал в голос: «Ой-ё-ё-ёй!» Чимитов от неожиданности отскочил в сторону, уронив кабель на землю, из фургона выскочил испуганный капитан, за ним Виктор и остальные. Все сгрудились вокруг орущего Костика, а он тряс поднятой над головой левой рукой, указательный палец на которой распухал прямо на глазах.

Чукарин ухватил его руку за запястье, приблизил к себе.

– Перелом! – сказал он каким-то обречённым голосом. – Б...ь! Чимитов, какого хрена ты полез помогать со своим бычьим здоровьем.

Оба старших лейтенанта передёрнулись и брезгливо поморщились от этих его слов.

– Я не помогал, я его не трогал! – растерянно оправдывался Чимитов.

– Думаешь, я не слышу, как вы шепчетесь?! Самойленко, носи аптечку! Вызовите фельдшера из дивизиона!

– Чимитов не виноват! – сквозь стон сказал вдруг Костик. – Это я сам...

– Молчи, – шикнул на него Виктор.

А Самойленко достал шприц с обезболивающим, стянул с левой руки Костика бушлат, закатал гимнастёрку, смазал место возле локтя смоченной в спирте ваткой и ловко сделал укол.

– Ещё бы пару таблеток анальгина принял, да запить нечем, – посетовал старшина.

– Как нечем, – хмуро пошутил Чукарин, – а спирт...

Из казармы прибежал местный фельдшер, долго с умным видом осматривал покалеченную руку, потом заключил:

– Перелом. Но шину я накладывать не умею, надо вести в полк – в госпиталь...

– Кто бы в вас, коновалах, сомневался, – парировал Чукарин. – Самойленко, ищи транспорт – везите мальчика в госпиталь. И свяжись с нашим дивизионом, пусть срочно привозят сюда Кирбобо на замену. – И, махнув рукой, мол, день пропал зря, капитан пошагал в сторону казармы. Впереди него рысил прапорщик, следом потянулись старлеи.

– Первая командировка, и сразу – госпиталь, – почесал лоб Виктор. – Да, далеко пойдёшь, а до бабушки, может, и не дойдёшь... Пошли и мы в казарму, будем ждать машину.

Кипсовики вернулись в родной дивизион примерно к середине зимы. Было заметно, что многие дивизионные обитатели, кому приходилось безвылазно служить «на точке», радовались их возвращению. В столовой, хоть обеденное время прошло, их ждал сытный обед из наваристого борща с хорошими кусками свинины и белого хлеба, явно превышающими установленную норму. Каждый встречный солдат с готовностью протягивал руку для пожатия и делился сигаретами. Все наперебой расспрашивали о новостях «с гражданки».

Но, наверное, больше всех радовался Костик. Он за это время похудел, осунулся. Ему наложили в госпитале гипс на левую ладонь. Через три дня после перелома Борис привёз его в свой дивизион, где он все эти дни держался особняком от остальных. От нарядов и других работ старшина его освободил, и он был молчалив и много времени проводил в казарме.

Пару раз Борис возил его в город, где в госпитале ему делали рентген. Перелом пальца оказался сложным, но он постепенно срастался.

Зато с возвращением кипсовиков он буквально засветился изнутри. Сначала немного стеснялся, наверное, своего «прокола» в первую командировку. Потом успокоился, по радостным репликам парней в свой адрес понял, что давно прощён. И принялся ходить за Виктором хвостом, что-то без умолку говорил ему. Тот кивал головой, хоть и не всегда слушал подчинённого, отвечал невпопад. Однако Костик был рад любому его слову.

А к вечеру, после ужина, Костик неожиданно предложил сержанту:

– Может, по глотку спирта?

Чернов долгим неподвижным взглядом впился в него, тот, не выдержав, потупился, опустил свои карие глаза.

– Ну ты даёшь, Рудин! По спирту соскучился? А я думал, ты по нам скучаешь...

– Так я – по вам! Я без вас!.. Про спирт – это я так! – смущённо затараторил Костик.

– Ладно, выпьем. Только не сегодня, хорошо? Устали мы. Вот гипс тебе снимут, и обмоем.

Гипс ему сняли без проблем через несколько дней. Палец сросся нормально, однако плохо сгибался. И со стороны казалось, что Костик постоянно указывает на что-то известное только ему одному. Полковой хирург прописал ему непрерывно делать гимнастику ладони, сгибая

и разгибая пальцы и какое-то время не участвовать в тяжёлых работах.

Кипсовики, не мудрствуя лукаво, в его честь накрыли стол вечером, после ужина, прямо в фургоне своей станции. Они пробирались к месту пиршества по одному, чтобы не привлекать постороннего внимания. Станция стояла в гараже – с самого края длинного ряда грузовиков. Первым в неё попал Чимитов, включил свет. И когда подтянулись остальные, неизменное сало уже было порезано на ровные розовые кусочки на фанерной дощечке, тут же лежали ломти хлеба. Гранёный стакан с фляжкой ожидали своей очереди.

– За здоровье нашего раненого! – провозгласил первый тост Чимитов.

Выпили по очереди: Виктор, Павлюков, Кирбобо, Костик. Последним принял спирта Чимитов. Разговор всё вертелся вокруг того ЧП с Костиком. Подробно разбирали все детали происшествия. Чимитов божился, что не сделал ничего такого. Костик признался, что сам зазевался и не выдержал вовремя руку из-под тяжёлого разъема.

Признался в своей вине и сержант. По его мнению, надо было Костика поставить на другое место в расчёте кипсовиков, где кабелей может и побольше, зато сечением они поменьше, соответственно, полегче с ними управляться.

Костик был доволен этими посиделками больше всех. И, в результате выпил не один, как «прописал» ему Чернов, а целых два глотка вонючей технической жидкости. И чувствовал себя хорошо. Правда, палец нет-нет да дёргала тупая боль от неловкого движения. Но он решил не обращать на это особого внимания.

11

...Незаметно подкатывала весна. В марте по утрам столбик термометра опускался ещё до минус двадцати, а днём, на солнышке, подтаивал снег и похрустывал свежим ледком под ногами. Кипсовики снова поехали в командировку по огневому дивизионам. Чернов долго уговаривал капитана Чукарина вновь включить Рудина в рабочий расчёт. Тот долго сопротивлялся. Наконец сошлись на том, что «парень сделал выводы, много тренировался, повзрослел и достоин доверия». Тем более что капитан недолюбливал страдающего ленцой рядового Кирбобо.

На этот раз работу в командировках кипсовики проделали на пять, подтвердили высокую боеспособность ракетного полка к отражению любых возможных воздушных атак противника.

В поездках прошёл апрель, который в этом году выдался теплее обычного. Снег в степи сошёл быстро. И командование чуть раньше обычного издало приказ о переходе на летнюю форму одежды. А это значит, что старшина Кожемяка перестал выдавать по субботам нижнее нательное хлопчатобумажное бельё, которое солдаты с удовольствием носили под гимнастёрками и брюками в зимнее время. Хотя зима ещё время от времени напоминала о себе то снежной крупой, вдруг сыплющейся на землю с потемневшего неба, то ночным морозцем, усиленным степным ветерком.

В это переходное время года солдаты, если долго приходилось бывать на воздухе, мёрзли. И, несмотря на запрет старшины, хитрили, втихую поддевая под брюки присланное из дома спортивное трико из модного в те годы нейлона. Были такие домашние подштанники и у парней первого отделения.

Костику бабушка, чтобы внук не мёрз в холодные весенние дни, тоже прислала поддёвку. Она-то и сыграла решающую роль в тот день, когда отделение получило наряд на ремонт крыши гаража.

Дело было нехитрое. Крыша находилась примерно на высоте второго этажа, если мерить обычными гражданскими мерками. Строители сделали её плоской, обложив по краям бордюром из кирпича. Получился своеобразный бассейн, в который зимой набивался снег и, как ни убирай его оттуда, когда наступала весна, талая снеговая вода просачивалась внутрь через трещины в кровле. В боксах капало, что могло нанести ущерб автомобильной матчасти и в целом нарушить боеспособность дивизиона.

Всё это старшина Кожемяка подробно разъяснил личному составу первого отделения. И поставил задачу: «Загудронить кровлю так, чтобы пресечь протекание талых вод внутрь гаража».

Надев старые бушлаты и обзаведясь рукавицами-верхонками, солдаты под руководством Чернова натаскали со склада к задней стенке гаража килограммов сто чёрных комков застывшего гудрона с блестящими изломами. Приготовили стремянку, намотали на приготовленные палки паклю: разгонять по щелям кровли расплавленные отходы нефтеперегонки. К старым вёдрам привязали верёвки – для подъёма наверх.

Набрали разных деревяшек, сложили горкой и подожгли. На костёр взгромоздили старую, видавшую виды металлическую бочку, в которой

раньше уже растапливали гудрон. Навалили в неё доверху застывших гудронных обломков. Присели на лежащее рядом бревно, закурили и принялись ждать, когда твёрдый материал превратится в тягучую чёрную жидкость, которую можно наливать в вёдра и подавать на крышу.

И не заметили, как минут через тридцать к их бивуаку осторожно приблизился старшина. Он взял за шкурки первых подвернувшихся под руки Кирбобо и Костика, ошалевших от неожиданности, поднял их в воздух, встряхнул и произнёс свою коронную фразу:

– На хрена до хрена нахреначили, расхреначивай на хрен!

Кожемяка отпустил солдат на землю и пинком безразмерного сапога сбил с костра бочку, содержимое которой разлетелось в разные стороны.

– Кто же так гудрон варит?! А ну, Чимитов, беги на склад ГСМ, нацеди два ведра солярки! Неси сюда. А вы – насыпьте комков в бочку на одну треть и ставьте на костёр. Да, пламя так надо организовать, чтобы оно не только днище, но и бока бочки разогревало. Потом – все наверх, а малого, – он показал на Костика, – оставьте внизу. Он черпалой будет. Только крюк ему, Чернов, из проволоки сделай, а то руки обожжёт – он же у вас членовредитель...

Два ведра солярки подоспели к тому времени, как разгоревшиеся дрова костра затрещали, охваченные настоящим огнём. Бочку на треть наполнили кусками гудрона, подлили в бочку солярки и установили на огонь, подперев дно старыми кирпичами. Вскоре чёрная жидкая масса в бочке начала побулькивать.

Виктор с Павлюковым, Чимитовым и Кирбобо забрались на крышу. А Костик осторожно зачерпнул ведром из горячей бочки чёрного варева, зацепил на привязанный к верёвке крюк. «Поднимайте!» – крикнул звонким голосом. Чимитов с Павлюковым потянули ведро наверх.

Работа закипела. Палки с паклей обмакивали в жидкий гудрон и промазывали щели и трещины на поверхности крыши, торопились, пока не остыло... Костик внизу тоже не сидел без дела. Виктор краем глаза присматривал за тем, как он подкладывает в бочку куски гудрона, подливает солярку, подкидывает в пламя дрова. Вот второе ведро жидкого «варева» отправилось наверх, третье. Костик снова подкинул дров. Пламя костра взвилось до верхнего края бочки...

– Смотри там, осторожней! – крикнул сверху Виктор.

– Всё нормально, командир! – отрапортовал Костик.

Тут Чернова отвлэк Чимитов, предложив пролить тонкой струйкой гудрона края кровли – вдоль кирпичного бордюра. Начали прикидывать, сколько уйдёт материала...

Их перебил громкий крик: «Ой-ой-ой!», который сменился нечеловеческим воем, от которого у Виктора волосы встали дыбом. Он кинулся к краю крыши, глянул вниз: возле бочки метался охваченный пламенем Костик. Виктор потом так и не смог вспомнить, как оказался на земле. Тут уже был Чимитов. Вместе они успели поймать убегающего Костика, повалили его и ударами мгновенно сброшенных бушлатов сбили огонь, придавили к земле извивающееся от боли маленькое тело.

– Бегите за фельдшером, старшину зовите! – крикнул Чернов подоспевшим Павлюкову и Кирбобо, те припустили к казарме.

Костик стонал, пытался вырваться, бормотал что-то невнятно, просил у сержанта прощения. Было видно, что у него пострадали ноги, вернее, левая нога. Штанина брюк на ней обгорела, разваливалась на горелые лоскуты.

– Чимитов, давай ему штаны снимать, – приказал Виктор.

76

Они, не смотря на протесты Костика, расстегнули и сняли с него бушлат, расстегнули брючной ремень и стянули остатки брюк, не обращая внимания на завывания пострадавшего солдата. Их взору открылась страшная картина: надетое под брюки нейлоновое трико от огня расплавилось и въелось в кожу левой ноги так, что удалить его можно было разве что вместе с этой кожей.

Одновременно примчались старшина Кожемяка и фельдшер Семён Предыбайло с чемоданчиком. От вида ожога Семёна замутило, но старшина дал ему такого подзатыльника, что он быстро пришёл в себя.

– У тебя обезболивающее есть? – рявкнул на фельдшера Кожемяка.

Тот часто-часто закивал головой.

– Давай, китайский болванчик!

Семён трясущимися руками открыл свой чемодан, достал снаряжённый лекарством шприц, подал старшине.

– Я сам не смогу, руки...

– Сукин сын, человек погибает, а он!..

Старшина хотел наладить Семёну хорошего пинка, но не было времени. Он закатал Костика

рукав гимнастёрки, безо всяких церемоний воткнул шприц в мышцу, надавил поршень. Костик стонал и смотрел на него широко раскрытыми испуганными глазами.

– Сейчас станет легче, – ободрил его старшина. – Мы тебя в казарму понесём. А ты потерпи!

Он подхватил Костика на руки и почти бегом кинулся к казарме.

– Чернов, объяснительную командиру! – крикнул он на ходу Виктору.

– Да я не видел ничего! – прокричал тот в ответ, оторопело размазывая по лицу чёрные точки нефтяной сажи, кружившей в воздухе...

12

Как выяснилось потом в ходе разбирательства, ЧП случилось в тот момент, когда Костик подливал в бочку солярку. Он делал это вроде бы осторожно, но пламя костра было слишком высоким. Да ещё бочка вдруг внезапно накренилась, ведро в Костиных руках качнулось, солярка плеснулась на огонь и Костику на штаны, которые мгновенно вспыхнули. От боли и страха он потерял голову...

Сейчас он лежал в казарме на своей кровати голый, под одной простыней, и тихо стонал. Он услышал, как подошёл Виктор, хотя тот старался не стучать сапогами.

– Товарищ сержант, – сказал он, чуть приоткрыв глаза, – что теперь будет? Опять я всех подвёл...

– Всё будет нормально, – как можно увереннее ответил ему Чернов. – Повезём тебя в госпиталь, вылечим, будешь как новый.

– Вы только бабушке не сообщайте. Не надо её волновать. А то она ещё и приедет. Я её знаю, – он застонал и поморщился.

Фельдшер Предыбайло, когда пришёл в себя, сразу объявил старшине, что, кроме мази Вишневского и обезболивающего, у него ничего нет, лечить Костика в дивизионе нечем и надо везти его в госпиталь. Они вдвоём со старшиной раздели пострадавшего донага и уложили в постель. Старшина приказал пока не пускать никого в спальное помещение.

Костик сдерживал стоны и взирал на них полными боли глазами. На его ногу страшно было смотреть: она вся была покрыта красно-коричнево-чёрными пятнами, волдырями, оплавленными кусками нейлона. Видно было, что в некоторых местах раны были глубокими. «Ожог третьей степени», – вывел свой диагноз Семён. Он принёс

инструменты – пинцет, ножницы, банку с мазью, пузырёк зелёнки, бинты, вату. Разложил всё это на тумбочке и стуле рядом с кроватью пострадавшего. Начал отдирать с обожжённой ноги куски вьевшейся нейлоновой ткани.

Костик стонал, охал, вскрикивал, умолял Семёна прекратить эту пытку. Но фельдшер, что называется, вошёл в раж, будто брал реванш за проявленную слабость...

А в это время в офицерской комнате шёл «разбор полётов». Там находился и Виктор – стоял перед командиром дивизиона полковником Заикиным, переминаясь с ноги на ногу. Полковник мерил кабинет широкими шагами. «Как маятник от часов», – подумал Чернов. Майор Серёгин и капитан Чукарин сидели за своими столами и дымили сигаретами. Старшина Кожемяка стоял возле единственного окна, привалившись к стене и сложив свои могучие руки на могучей груди.

Виктор уже сделал доклад о случившемся, свою версию изложил и старшина. Полковник орал на Виктора, что направит его в дизбат, что у него одно ЧП за другим, что кипсовики ставят под угрозу честь всего подразделения... Все эти слова проходили как-то мимо сознания сержанта. Мысленно он был в спальном помещении вместе с Костиком. И на все обвинения у него на языке крутился один вопрос: когда пострадавшего повезут в госпиталь? Только он боялся задать его до тех пор, пока полковник как следует не проорётся.

А тот буквально вошёл в раж – перекинулся на старшину: наряды не продуманы, с бойцами не проводится необходимый инструктаж, налицо нарушение техники безопасности...

Попал на язык и капитан: это не первый случай в первом отделении, а выводов не сделали!

– Как не сделали? – попытался оправдаться Чукарин. – Я по итогам зимнего ЧП запретил сержанту Чернову отпуск домой...

– Мало этого! Мало! – разошёлся полковник Заикин. – На губу надо было! Посидел бы на гауптвахте, проветрил мозги!

– Да как же кипсовикам вести регламентные работы? А кто в караул ходить будет? – разводил руками капитан.

– Ладно! – подвёл черту под разбирательством раскрасневшийся полковник. – В полк о ЧП не сообщать! В госпиталь рядового не везём! Сами лечите!

– Так нечем лечить, товарищ полковник, – подал голос Виктор.

– Молчать! Нечем лечить, лечите народными средствами! А дивизион я вам подставлять не позволю! А ты вообще готовься... – пригрозил он Чернову. – О нашем разговоре никому ни слова! Кругом марш!

Виктор крутнулся на каблуках, выскочил за дверь – бегом по коридору – в спальню, где завершал свою экзекуцию Предыбайло. Костик лежал перед ним голый с закрытыми глазами и тихо стонал. Его нога выглядела ужасно, покрытая пятнами зелёнки вперемешку с ожогами, вся в волдырях.

– Ну что, когда повезём парня в госпиталь? – не поднимая головы от пострадавшего, спросил фельдшер.

Виктор ткнул его кулаком в плечо и в ответ на его вопросительный взгляд приложил палец к губам и поманил Семёна, предлагая отойти в сторону.

Когда они вышли в коридор, Виктор снял с головы пилотку и с размаху шлёпнул её об пол:

– Не будет госпиталя, командир боится сообщить в полк о ЧП, за себя боится, шкура! А тут хоть помирай!

– Тише, – зашипел на него Семён, заметив, что стоявший на тумбочке дневальный прислушивается к их разговору. – Что делать-то приказали?

– Приказали лечить народными средствами...

– Как это? – растерялся Семён. – У меня лекарств нету, только мазь Вишневского. Я ею уже помазал. Только что толку! Ожог третьей степени... А если сепсис?! Останется парень без ноги.

– Пойду к Серёгину, объясню всё. – Виктор торопливо поднял пилотку. – А до этого держиморды не достучишься. Что ему солдат – ему карьера дороже!

Серёгин вздыхал, слушая сбивчивые аргументы Виктора. Потом, отведя глаза в сторону, сказал:

– Давай подождём день-два, видно будет, как дело пойдёт. Раз командир приказал... Но если будет хуже, я сам с ним поговорю. Так что не горячись! – Он похлопал Чернышова по спине и вышел из казармы на улицу.

Ночью казарма спала беспокойно. Впрочем большинство солдат спокойно видели сны, а вот первому отделению не спалось. Виктор, чья койка находилась возле окна – в самом начале шеренги кроватей отделения, несколько раз вставал и в полумраке осторожно крался вдоль ряда

ворочающихся в постелях солдат, подходил к постели Костика, вглядывался в его белеющее в темноте лицо с закрытыми глазами. Больной лежал, не шевелясь, только едва слышалось его учащённое дыхание. Перед самым отбоем Предыбайло поставил ему укол обезболивающего...

Вдруг он что-то забормотал, сорвал с себя простыню. Виктор наклонился к нему, пытаясь разобрать невнятные слова, но ничего не понял. Он приложил ладонь ко лбу солдата, лоб был влажным и горячим. Чернов присел на край кровати, взял Костика за руку.

Тот внезапно открыл глаза:

– Товарищ сержант, очень пить хочу, – прошептал он тихо.

– Сейчас! – засуетился Виктор.

Сунулся в тумбочку солдата, взял его кружку, выскочил в коридор, где стоял бачок с питьевой водой.

Костик приподнялся на локте, взял протянутую кружку, напился, кивком поблагодарил сержанта, откинулся на подушку:

– Нога горит, жжёт внутри! – как-то безысходно пожаловался он.

– Не бойсь, до свадьбы заживёт! – раздался над ухом Виктора голос Чимитова.

Подошёл Олег Павлюков, вылез из кровати и Кирбобо. Все обступили Костика, склонились над ним. В окна казармы заглянул серп луны.

– Ребята, как я вас подвёл, – на щеке Костика блеснула слезинка.

– Кончай сопли! – ответил ему за всех Чимитов. – Мы тебя в госпиталь свезём. Там тебя быстро вылечат, ещё успеешь в летнюю командировку съездить к огневицам.

– Командир, – Олег Павлюков повернулся к Виктору, – а ведь Чима прав – без докторов не обойдётся, иначе парню – привет... Надо звонить в полк, вызывать подмогу. А то этим, – он кивнул в сторону коридора, – за свои погоны боязно, что им наш солдат...

Они притихли, раздумывая, что делать дальше, как помочь товарищу? Костик тоже затих, может, задремал. Виктор сделал знак рукой, ложитесь, мол, утро вечера мудренее. Разошлись по кроватям. Чернов только прикоснулся к подушке, сразу провалился в глубокий сон без сновидений.

Вывел его из этого состояния Чимитов: он тряс сержанта за плечо: «Вставай!». Виктор подумал, что прослушал команду «Подъём!». Однако, как оказалось, старшина отменил голосо-

78

вую подачу команды из-за больного. Виктор привычно подскочил с постели и сразу же увидел, как возле кровати Костика суетились Предыбайло и дежурный офицер. Чернов быстро оделся и подошёл к ним. Он увидел, что Костик лежит с закрытыми глазами и часто дышит.

– Как дела? – спросил фельдшера.

– Плохо, – ответил Семён. – Температура высокая, нога мокнет... В госпиталь надо! Чем быстрее, тем лучше.

– Когда прибудет полковник? – повернулся сержант к лейтенанту.

– Так сегодня же выходной, их никого не будет до понедельника, – офицер достал из нагрудного кармана пачку «Примы», выковырнул из неё сигарету, начал разминать.

– Пройдусь по территории, караул проведу, потом видно будет, – сказал он и ушёл.

Виктор слышал, как хлопнула входная дверь казармы.

– Чимитов, – подозвал он возвращающегося из умывальника рядового. – Оденься и осторожно «паси» лейтенанта. Мне надо минут двадцать, чтобы разобраться с этим бардаком!

Через минуту Чимитов выбежал из казармы. Виктор вышел в коридор, подошёл к двери, ведущей в офицерскую комнату, взялся за ручку.

– Куда? – пытался остановить его стоявший на тумбочке дневальный. – Там никого нет...

– Мне надо! – ответил Виктор. – Парня надо спасать. Я в полк звонить буду, а ты ничего не знаешь, ничего не видел. И свой телефон на тумбочке не трогай, понял?! – И он решительно показал дневальному кулак.

Чернов знал, как управляться с находящимся в офицерской коммутатором. Он снял трубку, надавил на кнопку вызова.

Трубка мгновенно ожила:

– Дежурный по связи полка слушает.

– Это дежурный офицер техдивизиона, – как можно спокойнее ответил он, – соедини меня с санчастью.

– Слушаюсь! – прозвучало из трубки.

Потом послышались длинные гудки.

На третьем чей-то заспанный голос сообщил:

– Медсанчасть на проводе.

И тут у Виктора перехватило голос от волнения:

– В техническом дивизионе произошло ЧП, – хриплым голосом сообщил он.

– Что случилось? – встревоженно спросили на том конце.

– Ожог ноги третьей степени, ещё вчера... Высокая температура, возможен сепсис. Больной не транспортабелен... Срочно нужна скорая... – Чернов замолчал, не зная, что ещё сказать.

– Кто передал информацию? – спросила трубка.

Виктор молчал.

– Назовите фамилию, ваше звание?

Сержант положил трубку. Через минуту раздался звонок, он непрерывно звонил минут пять.

Виктор выглянул в коридор и приказал дневальному:

– Не отвечать!

Тот хмыкнул и отвернулся в угол. Наконец телефон замолчал. «Они должны подумать, что нам отвечать некогда, не до них нам, мы преодолеем последствия ЧП, боремся за жизнь солдата», – выстраивал он логику звонившего. «Должны приехать!» – решил он, когда коммутатор затих.

Чернов вышел из офицерской и осторожно прикрыл дверь. Дневальный не смотрел в его сторону. В спальном помещении солдаты ходили на цыпочках. Он подошёл к кровати Костика. Тот невидящим, полным боли, немигающим взглядом буравил потолок, чуть постанывал, крепко сжав зубы. Семён сидел на краешке постели, уставившись в пол.

– Не дрейфьте, – громко сказал им Виктор. – Через часок приедет скорая.

Он сказал это так уверенно, что и Костик, и Семён, и все, кто это слышал, поверили ему.

Чернов всё рассчитал верно: примерно через час прибыла бригада из госпиталя. Военврач мельком осмотрел ногу, приказал двум санитарам: «Срочно грузите в машину. Чёрт знает что!» И скорая умчалась в город.

– Как они узнали? – в пятый раз спрашивал то у Виктора, то у дневального, то у кого-то из солдат дежурный лейтенант. Все в ответ только пожимали плечами...

13

Последствия ЧП рассосались как-то сами собой. В полку, наверное, тоже решили не сообщать о случае наверх, чтобы не портить показателя. Тем более что с началом лечения пострадавшего солдата успели вовремя. Полковника Заикина, видимо, пожарили, но без особых последствий. Он, в свою очередь, объявил устные замечания капитану Чукарину и старшине Кожемяке. Сержанту Чернову дали три наряда вне

очереди, впрочем, он и без того через день ходил в наряды...

А вскоре кипсовики опять на целый месяц уехали в командировку. Капитан Чукарин гонял их на регламентных работах, как собак, матерился в ларингофоны, отмечая каждую оплошность команды. Но они справились с поставленной задачей. И вернулись в свой родной – технический – в хорошем настроении. А первым, кто встретил их возле дивизионного КПП, был Костик. Он радостно ковылял навстречу их машине, опираясь на какую-то нелепую трость.

– Товарищ капитан, – доложил он Чукарину звонким голосом, – рядовой Рудин прибыл из госпиталя в ваше распоряжение!

– А почему с палочкой, не долечился? – раздражённо и несколько испуганно спросил его капитан.

– Так я досрочно убежал, скучно там и не лежат уже, – радостно частил Костик.

– А у нас, значит, весело?! – Чукарин повернулся к сержанту. – Глаз с него не спускать, к работе – ни-ни, головой за его здоровье отвечаешь!

– Есть! – отчеканил Виктор. – Разрешите выполнять?

– Давай... – оттаял капитан. – Ишь ты, скучно ему в госпитале! Службу ему подавай!

Он удовлетворённо покрутил головой и зашагал в сторону казармы. А солдаты обступили Костика, расспрашивали о лечении, осторожно похлопывали по плечам, спине, попросили показать ногу. Он с радостью заголил её: вся нога была в свежих розовых рубцах.

– Вот так да! – почесал затылок Чимитов. – Починили крышу. Знала бы бабушка...

– А вот этого не надо! – решительно перебил его Костик. – Она знает, что я – отличный солдат!

...Они, коллектив первого отделения технического зенитно-ракетного полка противовоздушной обороны, дали торжественное обещание: глаз не спускать с Костика, беречь его здоровье, как своё, не оставлять его одного ни на час.

– Вы же понимаете, мне одному с этой задачей не справиться, – горячился сержант Чернов.

Разговор происходил на вечерней сходке, в так называемый час самоподготовки, который в армии предоставляется после ужина всем военным срочной службы, свободным от несения нарядов и караула. Парни из первого отделения по приказу сержанта по одному просочились к гаражу, где прямо на улице у боковой стены бокса был припаркован их грузовик – станция КИПС.

Июльское солнце клонилось к закату, но было ещё светло.

Они заходили внутрь КУНГа, где уже хозяйничал Чимитов, нарезая привычные сало с хлебом, а рядом с импровизированным столом виднелась знакомая всем фляжка. Расселись кто где. И Виктор начал «воспитательную работу». Фляжка прошла по кругу – все сделали по одному глотку. И дали торжественное обещание. Достался глоток пахучей крепкой жидкости и Костику. Он сидел на верстачке, выше всех и с улыбкой посматривал на товарищей. В такие минуты он чувствовал себя счастливым и нужным кому-то ещё, кроме бабушки...

– А ты чего лыбишься? Опять членовредительство задумал? – беззлобно погрозил ему Олег Павлюков. – Ты думаешь, нам больше нечего делать, как нянчиться с тобой?!

– Ребята! – Костик, кажется, готов был их всех расцеловать. – Как хорошо, что мы вместе! Я слово даю, больше такого не повторится. Ну чего вы, не верите? Я же не маленький...

– Мужик сказал, мужик сделал, – изрёк обычно молчаливый Кирбобо.

И все рассмеялись.

Расходились также – по одному. Вернулись в казарму прямо к отбою. И никто ничего не заметил. Зато эту короткую летнюю ночь бойцы первого отделения спали как убитые.

С этого дня Костик всегда находился рядом с сержантом. Тот буквально не спускал с него глаз, не позволяя сделать лишний шаг. А если Виктор был занят или его вызывали к начальству, его место возле подопечного по очереди занимали Чимитов, Павлюков или, на худой конец, узбек Кирбобо.

Судя по всему, Костик такой плотной опекой нисколько не тяготился, ему даже нравилось, что рядом всегда был кто-то свой.

В это лето полковник Заикин объявил лично составу дивизиона, что по решению командования полка им выпала честь взять шефство над трудовым коллективом фабрики первичной обработки шерсти, именуемой в народе ПОШ.

Предприятие располагалось на городской окраине, вдали от жилых кварталов. Что, впрочем, было вполне объяснимо, потому что запах грязной, мокрой овечьей шерсти, сортируемой и промываемой химическими растворами, здесь стоял такой, что только держись! Однако женщины, а в подавляющем большинстве коллектив

состоял из лиц женского пола, давно к нему при-
выкли. А вот солдатские шефы при первых по-
ездках сюда воротили носы. Пока не открыли
для себя, что на фабрике имеется отличная сто-
ловая, в которой их кормили бесплатно – это бы-
ло своеобразным расчётом за ту работу, кото-
рую бесплатно выполняли на предприятии по-
сланники полковника Заикина.

А дел здесь было немало: в конце месяца
или квартала всегда аврал, надо было давать
план, а рабочих рук, как обычно в те годы, на-
родному хозяйству не хватало. Вот и восполняли
эти пробелы солдатами.

Они и тюки с шерстью на электрокарах по
цехам развозили, и машины с кирпичами разгру-
жали, и вставляли на сортировку шерсти. В об-
щем, делали, что прикажут, не возражали, в ожи-
дании сытного обеда. А тогда уж отрывались по
полной, набирая себе на поднос по две-три пор-
ции котлет или других мясных продуктов, на ко-
торых здесь не экономили: шефы же всё-таки...

Отделению Чернова тоже несколько раз вез-
ло – получали наряд на фабрику.

– Ломили, как черти, – характеризовал их
ударную работу старшине Кожемяке замдирек-
тора по производству. – Присылайте их к нам
ещё.

И их присылали. В это лето их распорядок
службы выглядел так: день – в наряде, день – на
фабрике. Только Костика с собой не брали. Пол-
ковник Заикин запретил, опасаясь, что тот опять
влипнет в какую-либо неприятность. Рядовому
находилось занятие в дивизионе, его заставляли
штудировать уставы армейской службы, зани-
маться с военнослужащими других отделений
уборкой территории. Иногда он подолгу просижи-
вал в красном уголке, расписывал в очередном
письме бабушке, как интересно ему служится.

Он почти перестал хромать, вновь начал
принимать участие в кроссах по пересечённой
местности, которые каждое летнее воскресенье
для личного состава дивизиона устраивал стар-
шина Кожемяка. Правда до финиша никогда не
дотягивал, сходил примерно с половины дистан-
ции. Но его и за это подхваливали, чтобы прио-
бодрить парня.

Ультиматум сержанту Чернову он предъявил
после того, как, возвратясь из очередной поезд-
ки на фабрику ПОШ, Чимитов весь вечер расхва-
ливал вкусные фабричные мясные котлеты, ко-
торых он «умял аж три штуки, поэтому пропуска-
ет ужин в дивизионе».

Костик выслушал его похвальбу и подошёл
к Чернову:

– Я, между прочим, тоже хочу котлеты есть!
Последний раз мне их бабушка стряпала чёрт
знает когда... Чем я хуже Чимитова или Кирбобо?!

– Ты же знаешь, полковник запретил. Там –
опасное производство, – отмахнулся от подчи-
нённого Виктор.

– Чего там опасного?! Мягкая овечья шерсть!
В прошлый раз Чимитов полный карман привозил –
лёгкая, как пух! Что она мне может повреди-
ть?! – не унимался Костик.

– Ладно, – подумав, сказал Чернов, – погово-
рю со старшиной.

На том пока и разошлись. Когда через не-
сколько дней отделение вновь направили на
подшефную фабрику, Костик буквально вцепил-
ся в сержанта: «Возьми с собой, ведь обещал».

До отправки на предприятие оставалось ещё
с полчаса, и Виктор махнул Костику рукой: пой-
дём к старшине. Кожемяку они нашли в стар-
шинской каптёрке, где среди полок, забитых но-
выми гимнастёрками, сапогами, посудой, мылом
и всякой другой всячиной, громадный старшина
сидел за своим столом и заполнял какие-то до-
кументы.

Он выслушал сержанта Чернова, грызя кон-
чик авторучки, грубо перебил:

– Вы что, дебилы? Полковник же запретил!

Костик понурил голову, повернулся, готовый
покинуть каптёрку, но Виктор остановил его.

– Товарищ старшина, Рудин поедет не ра-
ботать, он очень хочет поесть в заводской сто-
ловке...

Как ни странно, старшина отнёсся к этому
желанию с пониманием.

– Мне самому наш хавчик надоел до смерти.
Вроде готовят у нас хорошо, жирно, только вот
душу в дело не вкладывают. Давно собираюсь
порядок на кухне навести, заелюсь повара... – он
что-то ещё говорил о солдатской столовой, по-
том задумался, ушёл в себя. Наконец, тряхнув
головой, сообщил о принятом решении: – Ладно,
пусть едет, командиру – ни слова. А ты с него
глаз не спускай! – Стукнул он кулачищем по сто-
лу так, что Виктор вздрогнул от неожиданности.

– Есть! – в один голос ответили подчинённые
и кинулись грузиться в фургон грузовика, за ру-
лём которого сидел ефрейтор Борис Бурят.

На фабрике всё было, как обычно. Но это –
для всех, только не для Костика. Тот смотрел во
все глаза на происходящее вокруг, морщил нос

от запаха грязной шерсти, то и дело заговаривал с работницами. Видно было, что он соскучился по гражданской жизни. Виктор попросил, чтобы Костика поставили на сортировку шерсти: там вроде бы не было никакой опасности – среди женщин, которые спокойно сидят вдоль длинного стола и перебирают ключья шерсти.

До обеда всё прошло спокойно. А в обед Костик, наконец, что называется, оторвался: съел не меньше, чем Чимитов, и теперь сидел на лавочке возле столовой – с другими солдатами, дремал и икал от полученного удовольствия.

«Перекур» длился полчаса. А потом отделение получило задание – разгрузить железнодорожный вагон с тюками шерсти.

Этих тюков они уже насмотрелись на фабрике. Сами помогали возить их на электрокаре по территории предприятия. Тюки – кубы плотно уложенной шерсти-сырца высотой метра по полтора каждый, весом по триста пятьдесят – четыреста килограммов поступали на фабрику со всех концов большой страны и из-за границы. Виктор разбирал на упаковках надписи на иностранных языках: Австралия, Шотландия, Индонезия. Этот вагон был свой, советский: прибыл из Казахстана.

К фабрике примыкала железнодорожная ветка с высокой насыпью. Вагон ставили на разгрузку так, чтобы тюки с шерстью, выталкивая из вагона, можно было скатывать с насыпи вниз, где их подхватывал автопогрузчик и водружал на электрокар, на котором их доставляли на склад.

Единственное, что немного смутило Чернова, такую работу они ещё ни разу не делали.

Все сомнения оборвал Чимитов:

– Не бойся, командир, справимся...

– Конечно, ничего сложного, скатывай тюки вниз – и всё, – поддержал его Костик.

У Виктора внутри шевельнулась какая-то тревога, но он прогнал её: действительно, ничего сложного. Вагон уже стоял на насыпи, и солдаты потянулись к нему. Чимитов на ходу раздавал верхонки, сам он вооружился небольшим ломиком для открывания двери.

Подожли, огляделись. Крытый высокий товарный вагон был заперт дверью, которая перемещалась на колёсиках вдоль вагонной стенки. Надо было только сорвать пломбу и сбить задвижку.

– Бимба, давай! – скомандовал Виктор.

Все сгрудились возле закрытой двери, рассматривая задвижку. Костика же привлекли

какие-то травинки, выросшие, казалось, из самих рельсов, прямо напротив вагонной двери. Он склонился, рассматривая их...

Чимитов ловко поддел пломбу, потом ударил по задвижке, она легко соскользнула со своего места, и дверь поехала в сторону.

Тюки шерсти в вагоне были уложены штабелями в несколько рядов. И только несколько верхних тюков лежали свободно. Ближайший из них, по всей видимости, опирался на закрытую дверь. И когда она открылась, этот тюк качнулся и начал скатываться в открытый дверной проём.

«Берегись!» – крикнул Чимитов и отскочил в сторону. Остальные кинулись врассыпную. Только Костик не успел среагировать. Тюк ударил его вскользь по склонённой голове, от этого мощного удара он, так же вскользь, приложился лбом о металлический уголок дверного порога. Кожа на лбу от этого лопнула и содралась вместе с волосами едва ли не до середины черепа, оголив белую кость. Тюк укатился по насыпи вниз, а потерявший сознание Костик лежал на животе возле вагона и вокруг его головы виднелись яркие капли крови.

Виктор смотрел на всё это с ужасом. Всё произошло в считанные мгновения, и ему казалось, что это происходит не с ними, а в каком-то кино, в котором он видит себя и всё происходящее со стороны.

Из оцепенения его вывел Чимитов:

– Командир, скорее!

Сам Бимба, скинув верхонки, уже возился с Костиком. Он перевернул его на спину, прикрыл оголившийся череп оторванным лоскутом кожи, хлопал его по щекам. Костик зашевелился, застонал. Тут к нему подскочил и Виктор, остальные тоже суетились возле. На всех лицах было одно – испуг и потрясение.

– У кого есть чистые носовые платки? Давай сюда!

Чимитову сразу же протянули несколько белых кусков материи, которые сегодня утром выдал личному составу старшина.

Чернов уже сообразил, что надо делать:

– Кирбобо, беги в заводоуправление, пусть вызывают скорую. Чимитов, Павлюков, понесём его туда...

Виктор пытался промокать платками обильно выступающую кровь. Но остановить её ему не удавалось: они быстро напитывались красной жидкостью, которая заливала голову пострадавшего, обильно капала на землю. Тогда он

оставил это дело, взял Костика за ноги, Чимитов и Павлюков подхватили его за плечи, и они за-семенили в сторону ближайшего цеха.

14

Шефство на этом прекратилось. Полковник Заикин рвал и метал!

Старшина Кожемяка, после того как Костика увезли в городскую больницу и первое отделение, растерянное и угрюмое, вернулось в дивизион, отозвал Чернова в сторону и два раза крепко приложил его по груди и по печени. А когда тот отдышался, сказал с раздражением:

– Ты хоть понимаешь, как меня подвёл, всех подвёл, дивизион подвёл?! Эх ты, а ещё – сержант!

Виктор стоял перед ним, низко опустив голову, и молчал. Ответить было нечего. Он ведь хорошо знал, что за Костиком нужен был глаз да глаз, но опять проморгал ЧП.

На следующий день с утра объявили построение личного состава дивизиона на плацу. «Разбор полётов» проводил сам полковник Заикин. Он подробно рассказал всем о происшествии, конечно, в своей интерпретации, особо подчеркнул роль старшины Кожемяки в случившемся и сержанта Чернова. Кожемяке был объявлен выговор, а Виктора выставили перед строем, и Заикин объявил ему десять суток полковой гауптвахты.

– Вопросы? – Заикин обратился прежде всего к офицерам.

– Разрешите? – отреагировал капитан Чукарин.

И, получив разрешение, размеренным шагом приблизился к полковнику, начал что-то горячо нашёптывать ему на ухо. Тот вначале отрицательно мотал головой, потом махнул рукой и отправил капитана обратно в строй.

Когда Чукарин занял своё место возле первого отделения, полковник, морщась, как от зубной боли, объявил:

– Сержант Чернов будет отбывать наказание после проведения очередных регламентных работ в огневых дивизионах полка. Они начинаются на следующей неделе. Но после этого – десять суток гауптвахты, чтобы понимал, что здесь армия, а не детский сад!

Виктор облегчённо выдохнул: вначале – командировка. «Это почти месяц службы, а там – видно будет: или шах, или ишак...» – вспомнил он восточную поговорку.

...Командировка длилась, как обычно, почти месяц. И, как всегда, они в очередной раз проехали все огневые дивизионы полка, тщательно проверили боеготовность ракетной техники. И из каждого дивизиона Виктор умудрялся позвонить по военной связи в ту больницу, где лечился Костик. Как он узнал телефон хирургического отделения, особая тема. Зато дежурная по хирургическому отделению исправно сообщала, что самочувствие больного неизменно улучшается. А во время одного из звонков он услышал в трубке звонкий голос Костика.

– Товарищ командир, у меня всё нормально! – весело доложил он. – Меня тут побрили и скальп мой на место пришили... Скоро вернусь в дивизион!

– Давай лечись хорошенько, – заботливо ответил Виктор, – ты нам здоровый нужен, – он с удивлением почувствовал, как что-то горячее шевельнулось внутри... – Бабушке пишешь? – справившись с комком в горле, спросил он.

– Пишу, а как же, я же – отличный солдат! – хвастливо произнёс Костик. А потом спросил серьёзным голосом: – Я снова всех подвёл, товарищ сержант? Вас не ругали?

– Не ругали... Всё, будь здоров! Ждём! – быстро закруглил разговор Чернов.

23

Они вернулись в дивизион в последние дни августа. Был вечер, офицеры уже разъехались по домам. ЗИЛу кипсовиков на дивизионном КПП шлагбаум открыли без лишних формальностей. Они въехали на территорию, Олег Павлюков затормозил возле гаража, и парни по одному покинули КУНГ, разминая затёкшие ноги. Ужин уже закончился, было свободное время, личный состав дивизиона бродил по территории, солдаты курили, собравшись в небольшие кучки. Кипсовиков радостно приветствовали, к ним подходили, жали руки, дружески хлопали по плечам и спицам.

Как всегда, широким шагом к машине приблизился старшина Кожемяка.

– Привет, Чернов! С приездом! Надеюсь, на этот раз боевую задачу выполнил с честью? – и, не дожидаясь ответа Виктора, напомнил: – Про наказание не забыл? Завтра готовься, поедешь в полк, на губу... Это приказ командира!

Виктор хмуро глянул на него, молча кивнул головой и, наказав Павлюкову и Чимитову осмотреть и как следует закрыть машину, направился в сторону казармы. Когда он проходил возле столовой, его остановил дивизионный «секретчик» щеголеватый сержант Вадим Немчинов.

Его сапоги всегда были начищены до блеска, отутюженная гимнастёрка буквально светилась чистотой. Он даже носил щегольские усики и большую чёлку, но что строгий старшина благополучно закрывал глаза. Объяснялось это просто: Вадим был освобождён от всяких нарядов и других видов работ, он целыми днями просиживал в своей секретной комнате, начинённой разным непонятным Виктору оборудованием, работал с секретными документами, как объяснял он сослуживцам. При этом постоянно общался с командованием дивизиона. Кстати, он числился в составе первого отделения. К стати, он числился в составе первого отделения. Но жил своей особой жизнью, не всегда ложился по команде «Отбой!». Впрочем, против этого Чернов не возражал, понимал – служба есть служба.

Вадим шагнул к Виктору, хитро глянул ему в глаза и зашептал:

– Они не смогут посадить тебя на губу, на тебя приказ пришёл – командировать тебя, Чернов, на офицерские сборы. Прямо завтра. Я приказ своими глазами видел. Завтра утром я приказ Заикину передам, а ты требуй отправки на сборы... Меня не выдавай! – И он отступил к стене столовой.

Виктор воспрял духом, позвал в красный уголок Чимитова вместе с фляжкой и неизменным салом. Сделал несколько приличных глотков, заел их маленьким кусочком сала. Но когда Бимба тоже потянулся к фляжке, запретил: «Тебе – не надо! У тебя и так всё в порядке...». Хотел поделиться с рядовым услышанной новостью, но передумал: всему своё время.

Ночью Чернову не спалось. Вспоминались длинные армейские дни и месяцы, служба в учебной части, где он понял, что такое настоящая солдатская дружба и взаимопомощь, вспоминались и бесконечные наряды, и спасительные командировки в дивизионе.

Он понимал, что полковник может задумать какую-нибудь подлость, например, объявить командованию полка, будто сержант Чернов заболел и пока не может быть отправлен к новому месту службы, а Виктора тем временем засадить на губу, чего тому край как не хотелось. А хотелось покинуть наконец-то этот дивизион навсегда, насовсем. «Не возвращаться больше за эту колючку», – думал он, и от нетерпения живот сводило судорогой.

Под утро он надумал: завтра при первой же возможности обратиться напрямую к полковнику, пригрозить, что будет жаловаться командованию на невыполнение приказа. На том и уснул.

А утром после завтрака его вызвали в офицерскую. Полковник Заикин, восседавший за своим столом, не поднял голову, когда вошёл испуганный Чернов.

– Товарищ полковник, сержант Чернов по вашему приказанию прибыл! – доложил он неуверенным голосом.

Тот сделал сержанту знак: погоди, мол, продолжая что-то читать, потом подписал прочитанное, положил ручку, перечитал снова и подал лист Виктору.

– Вот приказ о твоём командировании в полк для последующего убытия на офицерские сборы...

Виктор от волнения никак не мог вчитаться в напечатанные на машинке слова, они никак не складывались в нужное предложение.

Он пробормотал с дурацкой улыбкой на лице:

– Спасибо, товарищ полковник...

– Иди отсюда, и чтобы уже к обеду я тебя в дивизионе больше не видел... – ответил полковник, так и не подняв головы.

Виктор крутнулся на каблуках и вышел вон с приказом в руках. Первым делом он нашёл бурята Бориса и предупредил его, что поедет с ним на дежурке в город, в штаб полка. На вопрос: «Зачем?» – ответил:

– Кончилась моя служба в дивизионе.

Потом пошёл в каптёрку к старшине Кожемяке, чтобы тот выдал ему парадную форму, в коей надлежало ехать в новую часть. Старшина прочитал приказ, почесал в затылке.

– Парадку я тебе выдам в лучшем виде, – сказал он. – А ты на нас зла не держи. Всё же мы тут с тобой неплохо служили, теперь без тебя послужим... – И он похлопал своей лапицей сержанта по плечу.

Пока Виктор одевался, собирал вещмешок с гимнастёркой, бриджами, зубной щёткой и другими мелочами, Борис исходил на нет: надо ехать, а тут задержка!

– Дай хоть с мужиками попрощаться! – попросил Чернов упрямого бурята: первое отделение после развода отправили на уборку склада с запасными изделиями, а это – километра два в один конец. Но тут Борис встал в позу: «Как хочешь, еду один...».

«Ладно, – прикинул Виктор, – может, оно и к лучшему. Все ждали, что меня отправят на губу, а вон как вышло. Приеду на новое место, напишу им», – решил он и полез в кабину дежурки...

Двое суток на поезде добирался Чернов до нового места службы: из Сибири Западной в Сибирь Восточную. Здесь его тоже ждал технический дивизион, расположенный на макушке высокого плоского холма, покрытого высоченными вечнозелёными соснами.

Тут в отдельной казарме собрали несколько десятков таких же, как он, сержантов-срочников, которые попали в армию после окончания вузов, где не было военных кафедр. Все они прошли службу в зенитно-ракетных войсках ПВО, и теперь их называли курсантами, засадили за парты – изучать матчасть ракетных комплексов С-75. А после обеда – муштровали на небольшом местном плацу.

По вечерам были сплошные воспоминания о только что завершившейся службе в войсковых подразделениях, ожидания и мечты о скорой встрече с домом, гражданкой, работой, а главное, многих из них дома ждали соскучившиеся семьи, дети.

Виктор по вечерам вспоминал своё первое отделение, мучила мысль о том, что уехал, не попрощавшись, будто сбежал. «Как там Костик? Здоров ли?» – задавал он себе вопросы. Несколько раз принимался за письмо своим парням, однако не шло, не находилось нужных слов.

Но однажды он всё же взял себя в руки и 85засел за тетрадным листом. Получилось коротко: «Привет, парни! Как дела в отделении? У меня всё нормально, прохожу офицерские сборы, а в октябре – домой... Всё! Больше ни разу в жизни не надену погоны! Я свой долг Родине отдал!» Он подумал и написал ещё: «Извините, что не попрощался, так получилось, не было времени. И ещё, напишите, как там Костик? Не болеет ли?»

Вроде и писать было больше не о чем... Он сложил листок в конверт, запечатал, черкнул адрес своей бывшей части и передал письмо в местную дежурку, откуда его должны были увезти в полк и дальше – на почту.

Офицерские сборы были рассчитаны на два месяца. Но дни тянулись, кажется, бесконечно. Ночью курсанты подолгу не спали в своей отдельной казарме, порой чересчур громко обсуждая предстоящую гражданскую жизнь, которая представлялась теперь каким-то раем.

Окна казармы раскрывали настежь, чтобы полной грудью вдыхать настоящий на запахах сосновой хвои воздух. Из-за этого их голоса разносились по округе, мешая спать другим подразделениям. Дежурный офицер несколько раз за ночь приходил к ним, просил говорить потише, не мешать общему отдыху. Они ненадолго стихали, а потом всё начиналось сначала...

Засыпали уже под утро, поэтому на утренней проверке все стояли полусонные, позёвывали и почёсывались немилосердно. Приходящие курсантам письма здесь раздавали тоже утром, безо всяких комедий и танцев. Когда местный старшина объявил: «Чернов, тебе письмо», Виктор подумал: «Наверное, из дома». Но, увидев обратный адрес, понял, что это от его первого отделения. Он не стал вскрывать конверт до завтрака. И только потом, когда засел за парту изучать матчасть, достал его из нагрудного кармана гимнастёрки.

В конверте оказались две любительские фотографии. Фотографировать в дивизионе было запрещено, но солдаты втихаря, знал Виктор, всё-таки баловались этим.

На первом чёрно-белом снимке Чимитов, Павлюков и Кирбобо стояли, положив руки друг другу на плечи, и улыбались. Пилотки были надеты набекрень. Надпись на обратной стороне гласила: «На память сержанту Виктору Чернову о совместной службе».

На втором был Костик. Улыбка – рот до ушей! Голова – стриженная под ноль, без пилотки. Через весь лоб, вдоль границы коротких волос протянулся заметный белый шрам. На обратной стороне фото округлым Костиным почерком было выведено: «Рядовой Константин Рудин – отличный солдат! Спасибо сержанту!».

В конверт был заботливо вложен новый конверт с уже подписанным адресом и чистым тетрадным листком. Виктор расправил его, достал ручку и написал всего два слова: «Берегите Костика!». Потом запечатал конверт и в перерыве отнёс его в дежурку...

Ответа он больше не получал.

А через несколько недель Виктор вернулся к нормальной жизни на гражданке. И больше с Костиком судьба его не сводила...

